

Отрок

Евгений Красницкий
Отрок. Внук сотника

«АСТ»

2008

Красницкий Е. С.

Отрок. Внук сотника / Е. С. Красницкий — «АСТ», 2008 — (Отрок)

Что произойдет, если в далеком прошлом окажется не десантник-спецназовец, способный пачками повергать супостатов голыми руками, не химик-физик-инженер, готовый пришпорить технический прогресс на страх врагам и на радость себе любимому, а обычный в общем-то человек, имеющий «за душой» только знание теории управления да достаточно богатый жизненный опыт? Что будет, если он окажется в теле не князя, не богатыря, а подростка из припятской лесной глухомани? А может быть, существуют вещи более важные и даже спасительные, чем мордобойная квалификация или умение получать нитроглицерин из подручных средств в полевых условиях? Вдруг, несмотря на разницу в девять веков, люди будут все теми же людьми, что и современники, и базовые ценности – любовь, честность, совесть, семейные узы, патриотизм (да простят меня «общечеловеки»!) – останутся все теми же?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Красницкий Е. С., 2008
© АСТ, 2008

Содержание

Пролог	6
Часть 1	14
Глава 1	14
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Евгений Красницкий

Отрок. Внук сотника

© Евгений Красницкий, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Пролог

1999 год. Санкт-Петербург.

Тюрьма «Кресты»

Палата в тюремной больнице

– На зоне вам, Михаил Андреевич, не выжить. Скорее всего, вы туда даже не доедете. Убийства своих «братки» не прощают.

– Я защищался!

– В этом вы не смогли убедить даже суд, а уж приятелям убиенного на это и вовсе наплевать. Вы приговорены, и приговор будет приведен в исполнение. Можете не сомневаться.

– Спасибо, доктор. Умеете утешить и внушить оптимизм.

– Перестаньте ёрничать! Вы в который раз попали в тюремную больницу? Первый? Это вам еще повезло, что в больницу. Могли сразу в морг. А в «Крестах» причина смерти одна – острая сердечная недостаточность. То, что эта недостаточность вызвана несовместимыми с жизнью травмами – излишние, никому не интересные подробности. Сердце, кстати сказать, у вас не в самом лучшем состоянии. Второго раза, я думаю, не будет. Так что...

– Так что – что?

– Вы обратили внимание на то, что мы вас очень тщательно обследовали? Вопросов не возникло?

– Обратил. Не просто тщательно – нестандартно, насколько я смог разобраться. И на то, что вы собираетесь сделать мне какое-то предложение – тоже обратил. Положение у меня – сами только что обрисовали, так что не тяните. Что от меня требуется: предоставить организм для испытания нового лекарства, стать донором органов для трансплантации? И что я буду с этого иметь?

– Нет, ничего из перечисленного мне от вас не нужно. Предложение мое будет, как вы изволили выразиться, нестандартным.

– Да не тяните вы... как, кстати, вас зовут?

– Максим Леонидович. А иметь вы, в случае согласия, будете много, для вашего нынешнего положения – очень много. Почти все.

– А если откажусь?

– Сегодня же вернетесь в камеру, и... повторно сделать вам это предложение я уже, сами понимаете, не смогу.

– Н-да-а... покоцают меня пацаны...

– Перестаньте! Я же знаю, что вы не уголовник. Дело, по которому вас взяли под стражу, закрыто за отсутствием в ваших действиях состава преступления. Если бы вы, уже в «Крестах», не превысили меру необходимой самообороны, то были бы сейчас на свободе. По правде сказать, за убийство этого подонка не судить, а награждать надо бы...

– Вы это прокурору расскажите.

– Да прекратите вы, в конце концов! Я с вами, как с серьезным человеком, разговариваю, а вы как...

– Вот именно – серьезным! Мое личное дело вы, конечно же, читали и знаете, что по диплому я – специалист в области управления. К тому же – не мальчик, всякое бывало. Поэтому прекрасно вижу: вам, Максим Леонидович, нужен не любой клиент этого богоспаемого заведения, а почему-то именно я. Так что, положение у нас одинаковое: ты – мне, я – тебе. И не надо набивать цену. Говорите, что от меня нужно и что вы можете за это предложить, а я подумаю.

– Странно, Михаил Андреевич, у нас как-то разговор складывается. Вы в безвыходном положении, должны бы радоваться, что...

– Вот и порадуйте меня, а не ходите, как кот вокруг сметаны.

– М-да, даже не представлял, что все окажется так сложно. Видите ли, Михаил Андреевич, та информация, которую я собираюсь вам дать... Она предполагает определенные отношения, вернее, настрой... Доверительность, что ли. А вы сразу настроились так негативно...

– Не беспокойтесь. Я – управленец, могу объективно воспринимать информацию независимо от настроения. А если нахамил – извините. У меня в последнее время круг общения был – сами понимаете.

– Ну, хорошо. Что вы скажете, если я сообщу вам о существовании некоего аналога машины времени?

– Не бойтесь, психом не посчитаю. Нужен испытатель для первого полета? Что получу, если вернусь живым?

– «Полет», как вы выразились, будет в один конец. Мы переносим не тело, а только сознание. И «полет» – не первый.

– Тогда – в чем смысл?

– Вы «вселяетесь» в новое молодое тело, и у вас впереди целая жизнь – лет пятьдесят. Учитывая, что вам сейчас сорок восемь, и до следующего дня рождения вы вряд ли... Извините. В общем, вы получаете еще одну жизнь, но в двенадцатом веке.

– Доктор, если вам нужно нормальное сотрудничество, прекратите пудрить мне мозги. За девятьсот лет Земля вместе с Солнечной системой пролетела огромное расстояние. Вам придется двигать меня не только во времени, но и в пространстве, не говоря уже о прочем...

– Я же сказал: один раз это уже получилось. Вы мне не верите?

– Но, хотя бы в общих чертах, хоть «на пальцах» можете объяснить?

– Только так и могу, я же не специалист. Представьте себе информационное поле Вселенной... Оно существует с момента ее возникновения и будет существовать до ее конца. Вернее, не так. Оно существует все время. Одновременно и в прошлом и в будущем – всегда. Наши физики каким-то образом в этом разобрались, но я – медик, так что, за объяснениями – не ко мне.

Наши личности или, если хотите, информационные матрицы – это кластеры общего информационного поля. В момент смерти этот кластер не исчезает, а интегрируется в общее поле или растворяется в нем. Не знаю. И физики не знают, нам этот процесс отследить не удалось.

– Ага, еще один аргумент в пользу существования бессмертной души! К лику святых быть причисленным не планируете?

– Да прекратите же! У нас, между прочим, не так уж много времени!

– Пардон, доктор, продолжайте, пожалуйста.

– Так вот: некоторые кластеры или личные информационные матрицы, называйте, как хотите, резонансны относительно друг друга. Обнаружить пару таких взаимосвязанных кластеров очень трудно, вы – четвертый случай. С первыми двумя ничего не получилось. Потом один раз перенос удался. Теперь вот вы.

– Аналогия ясна: приемник и передатчик, настроенные на одну частоту, передающая среда – информационное поле Вселенной. Что останется от меня после передачи?

– Оболочка без признаков мысли и сознания. Овощ.

– А что станет с приемником?

– Замена личности. Он станет вами.

– А не наоборот?

– Во всяком случае, ваш предшественник свою личность сохранил, подал весточку и даже начал выполнение задания.

– Значит, все-таки задание. А «эффекта бабочки» не боитесь?

– Нет, воздействие, которое может оказать один человек, даже будь он великим императором, настолько несопоставимо по масштабам со всей Вселенной как объектом воздействия... исчезающе малая величина.

– Ну не скажите! Насчет всей Вселенной не знаю, но для Земли... Устроить, например, ядерную зиму или какую-нибудь кошмарную эпидемию... да мало ли что можно...

– В двенадцатом веке? И где же вы возьмете ядерную бомбу?

– Намек понял. И что же за задание? Убить кого-нибудь или, наоборот, спасти?

– Зачем? «Эффект бабочки» не работает, во всяком случае, на такой «дистанции», я же объяснил. Все гораздо проще, приземленнее, если хотите, меркантильнее. Стыдно даже говорить, но жизнь сейчас такая...

– Кого-то ограбить, зарыть клад в условленном месте, а вы здесь откопаете? Не смешно, доктор.

– Тем не менее. Только грабить не нужно. Знаете, сколько стоят сейчас иконы или книги дотатарской Руси?

– Вы серьезно? И ради этого...

– Слушайте, вы! Управленец, мать вашу! Вы что – вчера родились? Нас выселяют из здания, персонал лабораторий разбежался, потому что не получает зарплаты, электричество отключили, я – доктор медицинских наук, профессор – халтуру в коммерческой шараге... Дальше продолжать?

– Понимаю, простите, Максим Леонидович. Как же вы в таких условиях меня «запускать» собираетесь? Без электричества...

– В подвале института есть генератор, недавно достали две бочки солярки. Запустим.

– Когда?

– Сегодня ночью спутник-ретранслятор будет в нужной нам позиции.

– Как сегодня? Нужно же подготовиться, хотя бы обстановку на месте изучить, я же не историк, языка не знаю, да и вообще...

– Адаптироваться вам будет легко – вы «вселитесь» в тело младенца или совсем маленького ребенка. Кого удивит, что ребенок ничего не знает и плохо говорит? Пока подрастаете, во всем разберетесь, времени будет предостаточно. А подготавливать вас некому. Наш специалист – археолог – на свое несчастье раскопал что-то ценное. Бандиты решили, что им это пригодится...

– Убили?

– Нет, но из больницы выйдет, в лучшем случае, через месяц. А сможет ли работать... Вот так!

– Ну, хорошо... В кого хоть вселяться-то буду?

– Где-то у меня тут записано. Вот! Мужчина, дата смерти – 1171 год, дата рождения неизвестна. Возраст на момент смерти – 55–60 лет. Очень неплохо по тем временам. Ничем, кстати, не болел. Погиб, скорее всего, в бою. Судя по всему, принадлежал к военной знати, вероятно, был боярином. Похоронен недалеко от реки Припять.

– Это в Чернобыльской зоне?

– Да, но вас-то это не коснется.

– Я не о том. Как раскопали-то?

– Не знаю, как-то не приходило в голову спросить.

– Мы отвлеклись. Что еще известно? Как звали-то, хоть?

– Раб божий Михаил. Но Сан Саныч – наш историк – сказал, что это ничего не значит. Всего лишь – крестильное имя, а на самом деле всю жизнь мог проходить каким-нибудь Ярославом, Всеволодом или вообще – Жирятой.

– Еще что-нибудь?

– Нет, это – все.

– Неужели ни в каких документах не упоминался?

– Сан Саныч сказал бы.

– А мой предшественник? Вы сказали: начал выполнение задания, а потом?

– Неизвестно. Погиб, передумал, утратил возможности. Но свое дело сделал, Это благодаря его посылочке мы можем отправить вас. Так что вы уж постарайтесь там... Если будет возможность, пишите отчеты почаще. Нам ведь надо понять: что там с человеком происходит. Может быть, со временем внедренная личность отторгается или еще что-нибудь. Поймите, ценна любая информация.

– И не только информация...

– Да, долги бы по зарплате вернуть... Знаете что? Я, конечно обещать не могу, но есть один вариант, вернее, гипотеза. Если нам удастся продолжить работу, не исключено, что в момент смерти носителя, мы сможем вернуть ваше сознание назад – сюда.

– Дополнительный стимул? Не беспокойтесь, отработаю честно и так. Что присылать-то?

– Вот, ознакомьтесь. Здесь список... э-э желаемого, способы консервации, места захоронения, метки, которые надо оставить.

– Да как же я это запомню? Здесь листов двадцать.

– Вы пока только ознакомьтесь, потом я сделаю так, что запомните навсегда.

– Я не гипнабелен.

– Это у других вы гипнозу не поддавались, а у меня... В этом-то я как раз специалист.

– Стойте! Куда вы? У меня еще куча вопросов. Вот ведь, сразу и не сообразить...

– Извините, пора. Я пошел заказывать машину.

– И что, вам позволят меня вот так просто вывезти?

– Почему бы и нет? По документам вы, уважаемый, уже почти сутки как покойник. Я ведь вас на труповозке повезу.

* * *

Европа. Первая четверть XII века

Давайте, любезный читатель, вначале договоримся о том, что такое Средневековье, с чего оно началось и чем закончилось. Не так давно автор имел бестактность задать этот вопрос группе учеников выпускного класса средней общеобразовательной школы, чем, совершенно непреднамеренно, поверг их в тягостное раздумье, никаким членораздельным ответом не завершившееся.

Уж если абсолютно свеженькие претенденты на свидетельство о среднем образовании затруднились с ответом на мой вопрос, то обладателям документа, некогда гордо именовавшегося «аттестатом зрелости», надеюсь, не покажется обидным, если автор им кое-что напомним.

Средневековье пришло на смену Античности, родившись в V веке нашей эры, сразу после мучительной кончины Римской империи. Концом же периода Средневековья принято считать век XVII, а точнее время побед буржуазных революций в Англии и Голландии.

Если, любезный читатель, скучные римские цифры мало что вам говорят, то обратимся к более наглядной иллюстрации. В Санкт-Петербурге, в Русском музее, имеется картина

Карла Брюллова «Последний день Помпеи». На ней, в самом центре полотна, художник поместил аллегорические изображения гибнущей Античности и нарождающегося Средневековья. Античность олицетворяется уносимой взбесившимися конями разбитой колесницы, а Средневековье – младенцем, из этой колесницы выпавшим. При падении, кстати сказать, он нисколько не пострадал и даже не плачет.

Если же по музеям вам ходить недосуг, то припомните, пожалуйста, шевалье д'Артаньяна, если не книжного, то хотя бы киношного. Как известно, в романе «Двадцать лет спустя» как раз и описываются времена буржуазной революции в Англии. Так что, в книге «Три мушкетера» господин д'Артаньян пребывает еще в Средневековье, а в книге «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» – уже нет. Вот тебе, бабушка, и се ля ви!

* * *

В том тексте, любезный читатель, который автор имеет честь вам предложить, речь сначала пойдет о двадцатых годах XII века – самой, что ни на есть, середине Средневековья. Что же это было за время?

Прошло около шестидесяти лет с тех пор, как Вильгельм Завоеватель завоевал Британские острова (не целиком, конечно, но лиха беда начало!). На рубеже века Первый крестовый поход успешно завершился взятием Иерусалима и созданием Иерусалимского королевства.

До рождения Чингисхана остается еще лет сорок, а до появления на свет Ричарда Львиное Сердце – примерно тридцать. Однако и без этих знаменитостей скучать не приходится – колоритных личностей хватает и без них.

Например, правил в описываемые времена в Англии король Генрих I, обессмертивший себя фразой: «Необразованный король подобен коронованной заднице!» Мысль, по тем временам, свежая, поскольку даже благородное сословие было практически сплошь неграмотным. Был Генрих I младшим сыном Вильгельма Завоевателя, но другие наследники тем или иным способом перешли в мир иной, некоторые – при весьма сомнительных обстоятельствах.

Внутренними разборками Генрих I не ограничился, а сиганул обратно через Ла-Манш во Францию и чередой войн, убийств, заключенных и нарушенных договоров оттяпал у Франции большую часть западного побережья: Нормандию, Мэн и Бретань.

Прославился Генрих I и подвигами на ином поприще. Законных детей у него было всего двое, зато внебрачных – целых двадцать пять! Имелись, возможно, и еще, но алименты в те времена платить было не принято, а потому документации не сохранилось.

Противостоял Генриху I французский король Людовик VI Толстый. Воспитанный в монастыре, Людовик VI ничем, кроме телосложения, своего английского коллегу не превосходил – ни на военном поприще, ни на дипломатическом, ни на любовном, а потому отбить западные провинции Франции так и не смог.

А в Испании тогда правила женщина! Обстоятельство по тем временам уникальное. Уррака Кастильская, королева Кастилии и Леона. Большая часть Испании, правда, была захвачена арабами, Португалии не существовало вообще, а то немного, что оставалось, представляло собой сборище карликовых королевств, но Кастилия и Леон были самыми крупными из них. Сеньора Уррака не только правила двумя королевствами, но и дважды, под угрозой отлучения от церкви, расторгала браки – как-то у нее все время получалось выходить замуж за кого не положено. Умерла сия достойная дама в возрасте сорока пяти лет, рожая третьего внебрачного ребенка от графа де Лара.

Неприятности сеньоры Урраки с католической церковью выглядят, по правде сказать, сущими пустяками по сравнению с тем, какие проблемы имел ее современник, император

Священной Римской империи германской нации Генрих V. Если Урраку только пугали отлучением от церкви, то Генриха V отлучали аж четыре раза!

Первый раз Генриха V отлучил папа Пасхалий II, потом – архиепископы Кёльнский и Майнцский дуэтом, в третий раз – папа Геласий II, в четвертый – папа Каликст II. Из-за всех этих заморочек Генриху V пришлось дважды смотаться в Италию, отчего римские папы, отлучавшие его от церкви, поимели кучу неприятностей. Пасхалия II Генрих сначала взял в плен, потом вообще изгнал из Рима, а папе Геласию II удалось смыться во Францию самому. Папа Каликст II, видимо, решив не испытывать судьбу и как-нибудь договориться, отлучение императора Генриха отменил и заключил с ним договор, известный под названием Вормского конкордата. Договор для церкви был невыгоден, но зато папа Каликст II хоть в Риме мог после этого спокойно сидеть, не опасаясь внепланового визита раба Божьего Генриха № 5.

Вообще Генрих V, будучи зятем уже упомянутого нами английского короля Генриха I, по части вооруженных конфликтов тестю несколько не уступал. Свою карьеру он начал с бунта против собственного папаша, а потом с кем только не воевал: с поляками, богемцами, саксонцами, вестфальцами – всех и не перечислишь.

Так Генрих V и жил. Побеждал и бывал неоднократно бит, заключал и нарушал договоры, давал обещания и иногда даже выполнял их. На все это требовалось столько времени и сил, что умер Генрих V бездетным. По этой статье он явно проиграл любвеобильному тестю.

* * *

Чуть восточнее, в эти же самые времена, в Чехии с истинно славянским самозабвением резались между собой, выясняя, кому из них сидеть на пражском престоле, четыре сына короля Вратислава: Брячислав, Боривой, Владислав и Собеслав. Мало того что, что первая четверть XII века в Чехии и без того изобиловала смутами и междоусобицами, так еще приходилось отбиваться и от германцев, уже тогда считавших Чехию имперским леном.

Чуть севернее происходило примерно то же самое. Полабские славяне – лютичи, бодричи и лужбичи – то хлестались между собой, то отбивались от германцев, настырно, но с переменным успехом, пытавшихся овладеть землями восточнее Лабы, которую они уже переименовали в Эльбу. Успехи были действительно очень и очень переменными, поэтому ни одного немецкого порта на Балтике не было, Поморье еще не стало Померанией, а Берложье – Берлином. То есть печально знаменитый «Дранг нах Остен» вроде бы как и начался, но получалось пока неважно.

Королем бодричей в те времена был некто Кнут Лавард, женатый на русской княжне. Мода жениться на киевских княжнах, заведенная европейскими монархами сто лет назад, при Ярославе Мудром, еще не прошла.

Женился на русской княжне и король Венгрии Коломан – хромой, лысый и шепелявый параноик, вырезавший, во избежание династических проблем, почти поголовно всю свою родню. Венгрия тогда была огромной, по европейским понятиям, страной – гораздо больше, чем сейчас, а под боком у нее притулилось маленькое даже не королевство и не герцогство, а маркграфство Австрия.

Правил Австрийским маркграфством Леопольд III. Правил настолько мудро и, говоря современным языком, профессионально, что сумел заложить фундамент государства, по прошествии веков ставшего огромной Австро-Венгерской империей. Потомки, надо признать, его старания оценили по достоинству, и сейчас Леопольд III считается святым покровителем Австрии, а день его памяти является официальным праздником.

Еще одним монархом, женатым на русской, был в те времена польский король Болеслав III Кривоустый. Железной рукой подавив междоусобицы и смуты, пленив и ослепив

родного брата Збигнева, Болеслав хищно поглядывал на земли полабских славян, пытался вмешиваться в дела Киевской Руси и удачно воевал с германцами и чехами.

Однако и ему самому крепко портили кровь периодическими набегами пруссы – пока еще натуральные, а не германские переселенцы и насильственно онемеченные остатки местного населения. Кёнигсберга (ныне Калининград), по понятным причинам, в Пруссии еще не было.

Не было также ни Мемеля (ныне Клайпеда), ни Риги. Литвы, как государства, тоже еще не было – до рождения его основателя князя Миндовга оставалось более ста лет. У датчан до Прибалтики руки еще не дошли, а потому на месте нынешнего Таллина еще не появилась датская крепость Ревель. Датчане пока занимались тем, что пытались прибрать к рукам весь скандинавский полуостров.

А на юге блистала пока еще незаметно дряхлеющая Византийская империя. Константинополь – самый крупный город в Европе (население – аж двести тысяч человек!), солиды – самая ходовая европейская золотая монета, а храм святой Софии – самое величественное здание на европейском континенте. Но на императорском троне уже начали сменять друг друга самозванцы, границы терзали турки, арабы, половцы и вообще все, кому не лень; армия все больше пополнялась за счет иностранных наемников, так что блеск и величие империи поддерживались уже не столько силой и авторитетом, сколько интригами и золотом.

* * *

Такой вот примерно была Европа в первой четверти XII века, а поскольку карты в те времена рисовались вверх ногами – юг сверху, север снизу, то Святая Киевская Русь взидала на все это безобразие не справа, как сейчас, а слева. Однако подавляющее большинство населения европейского континента об этом, в силу безграмотности, и не подозревало, а остальным было наплевать – имелись заботы и поважнее.

Правил в те времена на Руси великий князь киевский Владимир Всеволодович Мономах. Тот самый, чьей шапкой несколько веков спустя венчались на царство русские государи. Был он человеком весьма незаурядным: удачливым полководцем, талантливым публицистом и общественным деятелем, блестящим демагогом, беззастенчивым фальсификатором, жестоким и беспринципным политиком.

До того, как стать великим киевским князем, Мономах успел покняжить в Ростове, Смоленске, Чернигове и Переяславле. Удачно воевал с поляками, литвинами, ятвягами, половцами, византийцами... Господи, с кем он только не воевал! Был активным участником, а иногда инициатором всех современных ему княжеских съездов. Бомбардировал общественное мнение обличительными сочинениями, написанными на основе тщательно собранного компромата. Гноил в подземных тюрьмах полоцких князей и новгородских бояр. Отбивал набеги половцев и сам приводил, когда это было нужно ему, половцев на Русь. Не пожалев собственную пятнадцатилетнюю дочь Евфимию, выдал ее замуж за чокнутого урода Коломана Венгерского, а когда тот выгнал беременную Евфимию, приревновав неизвестно к кому, молча утерся, хотя в других случаях бывал скор на возмездие и беспощаден.

Был Мономах чрезвычайно родовит – внук византийского императора по женской линии, женат на Гите Уэссекской, принцессе Английской. Однако на великий киевский стол сел лишь в возрасте шестидесяти лет, да и то незаконно – другие внуки Ярослава Мудрого имели больше прав, но Мономах сумел договориться с киевским боярством. Для создания прецедента, оправдывавшего его противозаконное призвание в Киев, он отредактировал летопись «Повесть временных лет», вставив туда эпизод с призванием на Русь варяга

Рюрика. Это Мономаху мы обязаны выражением: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами¹».

* * *

Двенадцатилетнее Великое княжение Владимира Мономаха стало последним периодом подъема Киевской Руси. Почти прекратились княжеские усобицы, присмирели крепко побитые соседи, Русь сделала последнюю попытку стать действительно единой Державой. Умер Мономах в возрасте 72 лет, оставив после себя многочисленное потомство. От двух браков у него было восемь сыновей и четыре дочери.

* * *

Что еще сказать про начало XII века? Земля людям того времени представлялась необъятно огромной, хотя край у нее вроде бы где-то имелся. Про чудесные страны Востока Марко Поло международная общественность еще не поведал, потому что пока не родился, а про Америку международная общественность не знала, потому что викинги, открывшие сто двадцать лет назад Новый Свет, эту самую общественность не удосужились проинформировать.

Была Земля, разумеется, плоской и стояла то на трех китах, то на трех слонах, то вообще черт знает на чем – в зависимости от господствующей идеологии. А с идеологией этой самой тоже всё было не слава богу.

Католики уже откололись от Греческой церкви. Поначалу поспорили вроде бы о малом: исходит ли Дух Святой от Бога-отца и от Бога-сына, или же только от Бога-отца? Дальше-больше: разругались вконец – до взаимных обвинений в ереси, богохульстве и даже до проклятия оппонентов. Правда, до исправления чужих заблуждений огнем и мечом дело пока не дошло, но все еще впереди.

Мусульмане тоже разошлись во мнениях вплоть до раскола на суннитов и шиитов, но по другому вопросу: стоит ли правоверным руководствоваться предписаниями одного только Корана, или столь же важное значение имеют и религиозные предания – сунны?

Как впоследствии метко заметил баснописец Крылов: «Кто прав из них, кто виноват – судить не нам. Да только воз и ныне там».

Так и жили в XII веке. Границы государств были зыбкими, подвижными и непривычными на современный взгляд, рыцари еще не носили блестящих доспехов – обходились кольчугами или кожаными куртками, обшитыми железными бляхами – и шлемов с пышными плюмажами, даже похожие на ведро шлемы еще не вошли в моду; стекол в окнах не было, «удобства», в лучшем случае, во дворе, даже валенки еще не изобрели! Живи, как говорится, и радуйся.

¹ Вообще-то в «Повести временных лет» сказано несколько иначе, но именно этот вариант широко распространился, благодаря усилиям интеллигентов-западников.

Часть 1

Глава 1

Декабрь 1124 года. Междуречье Горыни и Случи. Село Ратное

Казалось бы, дорога ровная, накатанная, кобыла молодая, сильная, сани почти пустые – должны бы уйти, но волки догоняли. Не очень быстро, но упорно и неумолимо. Рыжуха своим лошадиным умом и сама прекрасно понимала, чем может закончиться эта гонка, поэтому мать не нахлестывала ее, а только повторяла как заведенная:

– Ну, милая, выноси, ну, милая, давай...

Если сначала, когда волки только появились, она произносила это совсем негромко, то сейчас уже кричала в полный голос, словно от громкости ее крика зависела скорость саней. Мишка все пытался пересчитать преследователей, но постоянно сбивался – то на четвертом, то на пятом. Рядом с санями пластался в беге Чиф. Молодой пес вовсе не трусил и не собирался бросать хозяев, спасая свою собачью шкуру. Один на один он вполне способен был выйти против матерого волка, и результат схватки не предсказал бы никто, но кидаться одному против...

«Да сколько же их? Раз, два, три, четыре... семь! Вроде бы днем нападать не должны, совсем осатанели с голодухи, что ли? Должны, не должны, а вот напали и все тут! Блин! Догоняют, не уйдем. Семь штук, а у меня восемь выстрелов, мазать нельзя. Есть еще нож, топор и... Чиф. Хотя бы одного он на себя возьмет. Все равно, мазать нельзя».

– Миня! Стреляй! – крикнула, обернувшись к сыну, мать.

– Рано, мам, далеко еще!

Мишка упер самострел в задок саней и надавил ногой на рычаг. Сидя взводить оружие было неудобно, но вставать в несущихся санях, подпрыгивающих на каждом ухабе, он не решался. Наконец стопор щелкнул, и Мишка полез в сумку за болтом, забыв снять с руки рукавицу. Ругнулся про себя, освободил руку и снова полез в сумку.

Пока он возился, один из волков, почему-то не самый крупный, заметно вырвался вперед. Мишка упер приклад в плечо и попытался прицелиться, ожидая, когда попадется хотя бы небольшой ровный участок дороги и сани перестанут подпрыгивать.

Приклад... Не было еще тогда прикладов – обычно при стрельбе самострел зажимали под мышкой. Да и вообще в XII веке самострел (арбалет, как называют это оружие на Западе) был редчайшей вещью. А уж в руках тринадцатилетнего паренька... Только вот и пареньков таких на Руси тоже днем с огнем не сыщешь. Кто еще может похвастаться, что живет уже вторую жизнь, а в первой прожил, вернее, проживет девятьсот лет спустя сорок восемь полноценных лет? Но сейчас эта вторая жизнь может запросто закончиться, в сущности, толком и не начавшись.

Сани наконец пошли ровно, давая возможность прицелиться. Мишка нажал на спуск... Есть! Передний хищник кувырнулся через голову и остался лежать на дороге. Стая хором взвыла и, кажется, даже прибавила ходу!

«Почему? Должны же остановиться и начать рвать упавшего? Неужели волчья свадьба, и я грохнул волчицу? Ну, теперь действительно – приехали! Будут гнать, пока всех не перебьем... или они нас».

Мишка торопливо нажал ногой на рычаг, но вместо того, чтобы взвести самострел, поехал на заднице к середине саней – прямо матери под ноги. От неожиданного толчка под

коленки у той подогнулись ноги, и она всем весом осела Мишке на плечи, даже в спине что-то хрустнуло, и некоторое время, показавшееся Мишке вечностью, мать и сын барахтались, пытаясь придать своим телам нормальное положение.

Буквально физически ощущая, как уходят драгоценные мгновения, Мишка наконец смог поднять голову и взглянуть на дорогу. Волки приблизились еще больше. Теперь впереди несся самый крупный волчара, и Мишке показалось, что гонится тот уже не просто за санями, а именно за ним – убийцей волчицы.

Чтобы снова не поехать, Мишка просунул левую ногу под поперечную жердь, а правой все-таки взвел тугой рычаг. Болт словно сам прыгнул на направляющие, Мишка нажал на спуск, и в этот самый момент сани тряхнуло на очередном ухабе. Болт взрыл снег перед передними лапами волка.

Снова возня с рычагом, тягостное ожидание перерыва в тряске... Выстрел! Болт вошел прямо в оскаленную пасть переднего зверя.

«Пять болтов в сумке, их – тоже пять. Нельзя мазать!!!»

Скрип рычага, щелчок стопора, пауза, выстрел... Есть! Снова повторение всего цикла, выстрел практически в упор... Есть! Опять скрип рычага... Слева сплетаются в клубок серое и черно-рыжее тела – Чиф принял бой... Болт... Наложить болт Мишка не успел, ближайший к саням зверь прыгнул на него, целясь клыками в горло. Машинально прикрывшись самострелом, Мишка от толчка непроизвольно нажал на спуск, и освобожденная тетива, словно саблей, рубанула по попавшей под нее волчьей лапе. Мишка из всех сил ударил волка зажатой в правой руке болтом. Наконечник вошел в шею, прямо в глаза брызнула волчья кровь.

Больше ничего он сделать уже не успел, слишком быстро все произошло: прыжок в сани еще одного зверя, отчаянный крик матери, взмах топора в ее руке, и сумасшедший прыжок саней на ухабе.

Внезапно почувствовав, что остался в санях один, Мишка, размазывая по лицу кровь, протер глаза и огляделся. Волков не увидел, Рыжуха по-прежнему неслась галопом, мать... Матери не было! Не было в санях – за намотанные на левую руку вожжи Рыжуха волокла ее по дороге.

Разрывая лошади рот, Мишка изо всех сил тянул на себя вожжи, пока не заставил Рыжуху сначала перейти на шаг, а потом и вовсе остановиться.

– Мама! Мама! Слышишь? Мама, очнись!

– Мишаня, – мать открыла глаза, – у тебя кровь...

– Это – волчья. Мама, ты как? Болит что-нибудь?

– Это ничего, сынок, пройдет, помоги подняться. Сам-то цел?

«Господи, на ней, наверное, живого места нет, а она обо мне. Надо ее в сани поднять как-то. Волков не видно, неужели отбили?»

Напрягая все невеликие силы тринадцатилетнего тела, Мишка помог матери приподняться и перевалиться в сани.

– Мишаня, волков не видишь?

– Нет, живых не вижу, только побитые лежат.

– Я топор обронила, сходи, поищи, Рыжуха назад не пойдет.

– И я самострел потерял тоже, и Чиф еще...

– Вот и сходи.

Топор обнаружился не очень-то и далеко, рядом с окровавленным трупом волка с перерубленным хребтом. Рядом, пытаясь отползти, возился еще один зверь, правая передняя лапа, перебитая тетивой, безжизненно болталась, из пробитой наконечником болта шеи хлестала кровь. Тут же валялся и самострел.

Мишка подобрал топор и, хотя ясно было видно, что волк – не жилец, мстительно хрястнул его обухом по голове. С топором и самострелом вернулся к саням. Мать лежала, закрыв глаза, лицо было бледным.

– Мам, ты как? Плохо тебе?

– Уже легче, – мать приоткрыла глаза. – Рыжуха отдышится немного, и поедем.

– Мам, мне бы болты собрать... И Чифа поглядеть, вдруг живой? Может, еще и волков заберем? Зимний мех хороший.

– Как же ты их соберешь? – мать говорила хотя и слабым голосом, но вполне отчетливо. – Мы же версты две проскакали. Попробуй Рыжуху под уздцы взять, если пойдет с тобой на волчий запах, тогда соберем, если нет – ничего не поделаешь.

– А может, не надо? Тебе, наверно, к лекарке нужно...

– Легче мне, легче, – мать с Мишкиной помощью села в санях. – А вон и Чиф, смотри!

Весь перемазанный своей и чужой кровью, с располосованным волчьими клыками плечом, Чиф, прихрамывая, рысил по дороге, скалясь и порывая на попадавшие по пути волчьи трупы. Добравшись до хозяев, Чиф забрался в сани и улегся у матери под боком. Тут-то и стало понятно, как крепко ему досталось – обычно таких вольностей он себе не позволял, да и в сани он именно залез, а не запрыгнул, как сделала бы это на его месте любая здоровая собака.

«Какое, на хрен, соби́рание болтов и трофеев – двое тяжелых, а до дому не меньше часа пилить. Но болтов жалко до слез – с каждым как с ребенком намалялся, пока до кондиции довел. Опять же шкуры. Малышине теплую одежонку пошить. Что ж делать-то?»

Мать, видимо, почувствовав его колебания, снова предложила:

– Попробуй Рыжуху под уздцы повести, ее все равно после такой скачки вываживать надо, и снег не давай ей глотать – застудится.

Мишка заставил лошадь развернуть сани и повел ее по дороге назад. Как только они приблизились к первому волчьему трупу, Рыжуха было заупрямилась: начала храпеть и вырываться, но тут из саней раздалось грозное рычание, и кобыла сразу же присмирела. Чиф – золото, а не пес – «въехал» в ситуацию, даже пребывая в весьма плачевном состоянии, и быстро напомнил лошади ее позицию в дворовой «табели о рангах».

* * *

Как это у него получалось, понять Мишка не мог, но примерно с год назад, как только Чиф превратился из щенка в молодого кобелька весьма приличных размеров, он быстро и, как показала практика, очень доходчиво объяснил всем обитателям подворья, не относящимся к виду гомо сапиенс, что подчиняться ему следует беспрекословно. Сделал он это очень умело, не нанося серьезных травм и не задавив даже самого маленького цыпленка, и с тех пор поддерживал дисциплину в рядах «скотского контингента» что называется, железной рукой, хотя рук-то у него как раз и не было. В общем, имя свое Чиф оправдывал сто процентно.

Только две группы проживавшей на подворье живности ему своей воле подчинить не удалось. Первая – безмозглая демократия насекомых. Эти, напрочь пренебрегая субординацией, кусали диктатора так же, как и всех остальных. Вторая – диверсионные отряды грызунов. Попавшихся ему крыс и мышей Чиф давил беспощадно, но настоящие специалисты по антитеррору – кошки – в двенадцатом веке на Руси еще были чрезвычайной редкостью.

А два года назад... Мишка шел по улице по каким-то своим делам и, проходя мимо распахнутых ворот подворья старосты Аристарха Семеныча, услышал сначала отчаянный щенячий писк, затем энергичное ругательство, произнесенное голосом хозяина дома, а потом и увидел, как староста пинком ноги вышвыривает за ворота черно-рыжий комочек.

Щенок шлепнулся на утоптаный снег и замер без движения и звука. Перед мордочкой на снегу расплылось маленькое кровавое пятнышко.

Какая сила кинула Мишку на колени перед щенком и заставила, осторожно подняв его, сунуть за пазуху? Мишка потом долго над этим размышлял, но к однозначному выводу так и не пришел.

– Дядька Аристарх! Можно я заберу его?

– Да провалитесь вы оба, глаза б мои вас не видели!

Не был староста ни злым, ни вспыльчивым, наоборот, считался человеком спокойным и рассудительным. Видимо, так уж случай распорядился: скверное настроение или какая-то неприятность, да еще щенок не вовремя под ноги сунулся, да все это на глазах у мальчика...

В общем, все остались при своих интересах: староста душу отвел, щенок обрел доброго хозяина, а Мишка задаром заполучил пса таких статей, что в иных обстоятельствах за него пришлось бы отдать трех-четырех овец, да, может, и еще чего-нибудь в придачу.

Щенка, тогда еще безымянного, он притащил к Юльке – дочке лекарки. В уплату за лечение он предложил ей единственную имевшуюся у него более или менее ценную вещь – пряслице. Каменное колечко, которое женщины надевают для утяжеления на веретено. Нашел он его еще летом в речном песке. Дома пряслице оказалось без надобности и долго валялось на полке в кладовке.

Пряслице Юлька не взяла, но щенка, хотя было ей всего десять лет, выходила, заодно дав Мишке несколько ценных советов по воспитанию пса. А об оплате высказалась очень неопределенно: после, мол, сочтемся, при случае. Зная язвительный Юлькин характер, Мишка потом долго терзался дурными предчувствиями в ожидании этого самого «случая», но по прошествии времени все как-то забылось само собой.

* * *

И вот прошло два года...

Каждую волчью тушу, втаскиваемую Мишкой в сани, Чиф встречал грозным рыком. То ли выражал свои эмоции, то ли предупреждал Рыжуху о необходимости соблюдать сдержанность. Волки, хотя и тощие, для тринадцатилетнего мальчишки были грузом почти неподъемным. Мишка сначала закидывал в сани задние ноги, потом переваливал все остальное. Каждый раз, вернувшись к саням, спрашивал мать о самочувствии, не столько вникая в смысл ответа, сколько слушая голос. Мать отвечала негромко, но внятно, и Мишка, повожившись с тушей очередного волка, направлял сани дальше.

Насчет двух верст мать ошиблась, в ситуации смертельной опасности людям почти всегда кажется, что все длилось очень долго: секунды превращаются в минуты, минуты – в десятки минут или даже часы. Волчьи тела оказались разбросанными на расстоянии всего полукилометра по меркам XX века. Один болт Мишка так и не нашел – тот самый, которым он бил волка, как ножом. Но искать его не осталось уже ни сил, ни желания. Снова развернув сани на сто восемьдесят градусов, Мишка погнал Рыжуху в сторону села.

* * *

Домик лекарки, тетки Настены, стоял на отшибе, за пределами защищающего село тына. В низине возле реки, окруженный деревьями, с дороги он был совершенно незаметен. Не заезжая в село, Мишка погнал сани по снежной целине, нещадно нахлестывая Рыжуху вожжами – мать в последние минут пятнадцать перестала откликаться на его вопросы, и жалеть кобылу Мишка не стал.

На его крик из дверей сначала высунулась Юлька, но, быстро поняв, что дело серьезное, юркнула обратно. Почти сразу же, накидывая на плечи теплый платок, из дома вышла Настена, следом за ней – опять Юлька.

– Что с ней? – Настена склонилась над матерью, положив ей на лоб ладонь.

– За нами волки гнались, – принялся объяснять Мишка, – она из саней выпала и на вожжах по дороге волоклась...

– Давно в беспамятстве? – прервала его лекарка.

– Нет, подъезжали уже.

– Тошнило ее, на что-нибудь жаловалась?

– Нет.

– Ну-ка, помогите мне, несем в дом.

Помощи от двух детишек в процессе переноски из саней в дом взрослой женщины было немного. Но Настена справилась – не впервой больных да раненых ворочать.

Мишку почти сразу же выставили обратно на улицу, и он, не зная, оставаться или уезжать, присел было в сани, потом спохватился и принялся растирать куском дерюги вспотевшую Рыжуху.

* * *

Лекарка Настена...

Версии ее появления в селе, которые довелось в разное время и от разных людей слышать Мишке, отличались друг от друга в деталях, но, в общем, сводились к одному.

Однажды жителям села довелось отражать неожиданный наскок половцев. Собственно, половцы уже уходили назад в степи, но возвращаться тем же путем, которым пришли – через Галицкую и Волынскую земли – они почему-то не захотели и, переправившись через Горынь, двинулись по землям Турово-Пинского княжества. Добычи и пленных они тащили с собой много, поэтому, наткнувшись на организованный отпор, связываться не стали и начали поспешно отходить. Однако, когда добычу и полон у них попытались отбить (согласно некоторым версиям, частично и отбили), огрызнулись очень крепко.

Из сотни сельчан, ходивших на половцев, чуть ли не половина вернулись домой в окровавленных повязках. Кто сидя в седле, а кто и лежа в телегах или на носилках, подвешенных между двумя конями. Степняки – лучники отменные и прекрасно умеют бить в цель на полном скаку.

Тогда-то и появилась в селе старуха-лекарка с маленькой внучкой. Ходила от дома к дому, спрашивала, есть ли раненые, перевязывала, давала лекарства, даже вроде бы оперировала, извлекая глубоко засевшие наконечники половецких стрел.

Если предлагали плату за лечение, с достоинством принимала, если не предлагали, даже и не намекала. Когда предложили переночевать, объяснила, что лучше бы ей ночевать в доме одного из тяжелораненых, ночью, мол, ему может стать хуже. На следующий день родственники раненых уже сами начали зазывать лекарку к себе – очень уж наглядной оказалась ее высокая квалификация.

Осталась она в селе и на третий день, и на четвертый – работы хватало. И никому даже в голову не пришло поинтересоваться, какой она веры. Только день на пятый или шестой этим вопросом озабочился сельский священник. Лучше бы он этого не делал. Старуха оказалась язычницей! В полном соответствии со своими служебными обязанностями и, надо надеяться, искренними убеждениями, святой отец вознамерился лекарку из села изгнать.

Что сказали ему по этому поводу мужи ратнинские во время кратких переговоров в узком проходе между сараями, история для потомков не сохранила. Протокол переговоров, надо полагать, не велся. Однако, по словам очевидцев, по окончании дискуссии вид священ-

ник имел несколько растрепанный, а походку – неуверенную. Тем не менее, некоего компромисса высокие договаривающиеся стороны, по-видимому, достигли.

Святой отец с тех пор очень натурально делал вид, что ни о какой лекарке знать не знает, а целая артель добровольцев за несколько дней поставила для лекарки дом, правда, за пределами тына, ограждающего село. Дом, что называется, сдали под ключ: с мебелью и полным набором домашней утвари, собранным вскладчину.

С тех пор так и повелось. После сбора урожая скидывались и обеспечивали лекарку хлебом и крупами на целый год, после ежегодной облавной охоты – выделяли долю мяса и шкур.

Когда старуха умерла, место ее заступила уже повзрослевшая к тому времени внучка, которую звали Настеной. Жила она одна, и откуда у нее взялась дочка Юлька, никто так и не узнал. Разумеется, процесс производства потомства для подавляющего большинства жителей села секретом не являлся, но вот кем был Юлькин отец... Самые дотошные кумушки, в конце концов, вынуждены были отступить, так и не разрешив эту загадку.

И еще одно обстоятельство, связанное с появлением Юльки на свет, достаточно долго занимало умы сельчан своей неординарностью. Однажды Настена с грудным ребенком на руках заглянула в церковь и поинтересовалась у священника: христианское ли имя Юлия? Получив утвердительный ответ, она высказала пожелание, чтобы ее дочку окрестили именно этим именем. Слава богу, священник был уже новый – отец Михаил – человек умный и, как позже убедился Мишка, очень для своего времени образованный.

Презрев язычество матери, он сам нашел для новорожденной крестных мать и отца, оповестил о радостном событии всех, кто попался под руку (а те – всех остальных), и провел на следующий день обряд крещения в битком набитой церкви. Нарек он новорожденную Иулианией, но иначе как Юлькой девочку никто не называл. На крестинах гуляло все село – лекарку, за редким исключением, любили и уважали все.

* * *

– И меня выгнала!

Мишка даже вздрогнул от неожиданного появления пышущей возмущением Юльки.

– Говорит – не мое дело. А как я учиться буду, если до больных не допускают?

– А ты Чифа посмотри, вон он под рогожкой лежит, – предложил Мишка.

– Ага! Так и буду всю жизнь скотину пользоваться? А люди, что, не болеют? Мала еще! – Юлька явно передразнивала мать. – Как будто я не вижу, что она беременная!

«Беременная? Кто, мать? Отца уже почти четыре года, как убили. Ничего себе! С кем же это она? И эта свиристелка теперь всем растреплет!»

– Потому и мала, – буркнул Мишка, – была б большая, не трепалась бы. Чтоб людей лечить, надо язык за зубами держать уметь!

– Ой, Минька! Я никому... Я нечаянно... – Юлька наконец поняла, что ляпнула лишнее. – Давай я Чифа посмотрю. Ой, бедный, как его! Минь, его в тепло надо, плечо зашить... Давай к тебе поедem, твою маму все равно на ночь здесь оставить придется. Минь, поехали, а?

– Ладно, поехали, – согласился Мишка.

– Сейчас, я только возьму кое-что.

Бедной Рыжухе снова пришлось тащить сани по снежной целине – тропинка, шедшая от дома лекарки к тыну была меньше полушага шириной, да и вела она не к воротам, а к узкому лазу – только-только человеку протиснуться.

– Минь, это ты их всех пострелял? – Юлька с некоторой робостью разглядывала оскаленные пасти мертвых волков.

– Нет, одного мать – топором, еще одного – Чиф. Вон того, у которого горло разорвано.

«Разорвано» – это еще мягко сказано, горло отсутствовало вообще, почти до самого позвоночника. Можно было подумать, что волк попался на зуб не псу, а крокодилу. Если, конечно, удастся представить себе крокодила, промышляющего волчатиной на зимней дороге в районе будущей границы между Украиной и Белоруссией.

– Эту шкуру тебе отдам, – пообещал Мишка, – за то, что Чифа тогда выходила, и еще одну, если сейчас вылечишь. Шубу себе сошьешь. Вернее, мать сошьет, она лучшая портниха в округе.

– Да не нужны мне твои шкуры, я и так...

– Это опасно... ну, с матерью?

– Да не знаю я! То есть все хорошо будет, ты не бойся, летом тетка Евдоха, тоже беременная, с сеновала упала и плод скинула, так мать ее в три дня на ноги подняла. Только ребеночка уже не будет...

– Вот и про Евдоху растрепала, – укорил Мишка, – про кого еще поведает?

– Да не скажу я никому, Минька!

– Не обещай, у тебя язык своей жизнью живет – отдельно от тебя!

– Да что мне, землю есть, что ли?

– Землю не надо, а если хочешь людей лечить, научись владеть собой.

«Что вы несете, сэр Майкл? Тринадцатилетний пацан так не разговаривает. Еще про клятву Гиппократы расскажите, про врачебную тайну, про моральную ответственность...»

Ситуацию надо было срочно исправлять, и Мишка, имитируя внезапную вспышку ярости, схватил Юльку за плечи, притянул к себе и, глядя прямо в глаза, прошипел:

– Кому про мать растреплешь – убью!

– Минька... – переход был слишком неожиданным, и Юлька на какое-то время растерялась, но не тот был у девчонки характер. Пихнув Мишку так, что он чуть не вывалился из саней, рывкнула тоном, снайперски точно имитирующим тон рассерженной взрослой женщины:

– Прочь руки! Бешеный!

* * *

Кличку «Бешеный» Мишка заработал совсем недавно, причем из-за той же Юльки. Как-то, шлепая по ноябрьской грязи в поисках залетевшего неизвестно куда самострельного болта, он вдруг услышал крики: «Ведьма, ведьма!» – и, обернувшись на голоса, увидел своего вечного неприятеля и соперника по мальчишеским разборкам – Ероху. На тропинке, ведущей к дому лекарки Настены, Ероха с двумя приятелями окружили Юльку, брызгали в нее водой из ближайшей лужи, обзывали ведьмой и вообще развлекались на всю катушку. Юлька, обычно в обиду себя не дававшая, сейчас оказалась в очень невыгодном положении, поскольку обеими руками прижимала к себе здоровенный глиняный горшок с чем-то, что она очень боялась расплескать.

Переть одному против троих, разумеется, чревато... Но грызла досада из-за потерянного болта, и представилась возможность сорвать на ком-то злость. Было жалко Юльку – очень уж она берегла горшок – наверное, с лекарственным настоем или отваром. Но главное, надоело быть мальцом и вести себя соответственно этому статусу. Такое настроение на него иногда наплывало, и сдерживаться было очень трудно.

Подойдя к развлекающейся троице, Мишка очень спокойно и негромко сказал:

– Ну-ка, идите отсюда. Быстро.

– Чего? – Ероха даже обрадовался новому развлечению: поединки с Мишкой один на один у них обычно заканчивались вничью, но сейчас-то было один к трем. – Защитник пришел! Жених, что ли?

– Если не уйдете, буду бить.

– Чего?

– Ты слышал, повторять не буду.

Замах у Ерохи был великолепным: энергичный, широкий, тело, вслед за рукой, разворачивалось почти на девяносто градусов, накапливая силу для сокрушительного удара кулака. Один был у этого замаха недостаток – под него легко поднырнуть, а потом дать парню, продолжавшему разворачиваться по инерции, в ухо. Мишка так и сделал. В полном соответствии с законами механики, физиологии и прочих хитрых наук, Ероха на ногах не удержался, и холодная грязная вода осенней лужи приняла его тело в свои гостеприимные объятия. Приняла и сомкнулась над упавшим – лужа оказалась глубокой.

Мишка этого, правда, не видел: он уже бил ногой в туловище (куда именно – неважно) Ерохиного приятеля Фильку. Лужа приняла Филимона столь же радушно, как и его предшественника. Третий Юлькин обидчик – Борька-Мешок – был толст, неуклюж и труслив, однако в коллективной драке опасен своим любимым приемом – с разбега сбить противника с ног тяжестью своего тела. Тот же номер он решил выдать и сейчас. Мишка уже приготовился уклониться от его туши, благо по инерции Мешок должен был бы влететь в ту же лужу, что и Ероха с Филькой, однако трус он и есть трус. Борька попытался остановиться, поскользнулся и с маху уселся на землю. Грязь смачно чавкнула под его объемистым задом, и сражаться стало не с кем.

На этом можно было бы и заканчивать, однако Мишка еще не отвел душу, а потому, изобразив людоедский оскал и подражая, насколько получалось, рычанию Чифа, медленно двинулся на Борьку. Тот засучил ногами, пытаясь, не вставая на ноги, отодвинуться от Мишки, и даже тихонько заскулил от страха.

Все, им можно было больше не заниматься, тем более, что Ероха уже выбирался из лужи, а следом за ним, держась за живот, выползал и Филька. Насквозь мокрые, грязные, полностью деморализованные – делать с ними можно все, что заблагорассудится. Однако продолжения не последовало. Весь спектакль испортил Мешок.

– Бешеный! – вдруг завопил он тонким голосом. – Минька взбесился, сейчас кусаться будет! – и, совершенно непостижимым образом стартовав из сидячего положения, бросился бежать.

– Бешеный! – подхватили дуэтом Ероха и Филька, устремляясь вслед за Мешком, и Мишка с Юлькой остались наедине. Намечавшееся шоу сорвалось, едва начавшись. Так хотелось еще пару раз вмазать Ерохе, а потом заставить всех троих просить у Юльки прощения. Увы, труппа покинула подмостки очень шустро, забыв попрощаться.

Кличка «Бешеный» прилипла, а в горшке, как выяснилось, была обыкновенная вода, а вовсе никакое не лекарство...

* * *

То, что Юлька обозвала его кличкой, которую Мишка заработал, ее же и защищая, показалось обидным и несправедливым.

– Бешеный, говоришь? А сюда глянь! – Мишка кивнул на волчьи трупы в санях. – Не был бы бешеным, может, и не отбились бы! Не был бы бешеным, может, и мать не довез бы! А ты языком своим поганым...

– Минь, прости меня, – неожиданно мягко проговорила Юлька. – Ты голодный, уставший, за мать испугался... поехали домой... Я Чифа полечу. Ему плохо совсем, посмотри.

«Профессионал от бога! Мгновенно разряжает обстановку, переключает внимание, предлагает действие, от которого нельзя отказаться. Если голодному человеку напомнить о голоде, а уставшему об усталости, то они почувствуют голод или усталость еще острее. Это заставляет отвлечься на внутренние ощущения. Потом – напоминание о беспокойстве за мать. Это переключает внимание с объекта агрессии на объект заботы. И, наконец, фиксация на конкретной проблеме, требующей немедленных действий. Заставляет перевести взгляд с себя на объект, нуждающийся в неотложной помощи. В данном случае – на Чифа. Все – агрессия ушла, как вода в песок! И ведь ни в каких мединститутах не училась. Ребенок же еще, а как работает!»

Вообще-то, конечно, все женщины интуитивно владеют этим искусством, в той или иной степени. Но нынешние врачеватели, поднимающие тяжелораненых и больных без антибиотиков, обезболивающих и противошоковых препаратов, где-то процентов на пятьдесят делают это не за счет отваров и настоев, а с помощью изоциренной психотерапии. Голос-то какой: ласковый, обволакивающий. Я у нее такого и не слышал никогда... Ну, и ладно, пусть считает, что сработало. Уверенность в своих силах в лекарском деле – половина успеха».

– Да едем, едем уже.

Несколько баб у колодца дружно уставились на груду волчьих тел в проезжающих мимо них санях.

– Михайла! Это где ж ты так поохотился?

«Ого! Уже не Минька, а Михайла. Явный прогресс, любят бабы удачливых!»

– Не я охотился, – отозвался Мишка, – на меня охотились, да не вышло!

– А мать-то где? Ты же с ней уезжал.

«Все видят, все про всех знают. Деревня, блин!»

– У лекарки, зашиблась она.

* * *

Чифу действительно было плохо. В дом его пришлось вносить на руках. Все вокруг сразу же наполнилось охами и ахами старших сестер, Анны и Марии, но Юлька и здесь, проявляя подлинный профессионализм, быстро заняла всех делом: кому – греть воду, кому – искать чистые тряпки для перевязки, кому – просто не мешаться под ногами (это – малышне). Сразу же, между делом, объяснила, что с матерью все будет хорошо – просто зашиблась, когда из саней выпала, но ничего, слава богу, не сломала.

Тут все было в порядке, если в такой ситуации вообще может быть какой-то порядок, поэтому Мишка вернулся во двор и принялся распрягать Рыжуху.

Стукая деревяшкой, заменявшей ему нижнюю треть правой ноги, на крыльцо выбрался дед Корней.

– Где напоролись-то, Михайла? – поинтересовался он, разглядывая Мишкину добычу.

– Да уже почти подъезжали.

– И сколько их?

– Семь.

– Всех ты пострелял?

– Нет, одного мать – топором, еще одного – Чиф.

Дед молча потоптался на крыльце с таким видом, словно хотел что-то спросить, но никак не мог сформулировать вопрос должным образом. Для бывшего сотника латной конницы такое поведение было очень уж нехарактерным, и Мишка невольно напрягся, ожидая, когда дед наконец заговорит.

– Кхе... – дед, кажется, все же подобрал нужную формулировку. – Что лекарка сказала?

– Что зашиблась, но ничего не сломано.

– Больше ничего не говорила?

– Нет, а что еще-то? – о беременности матери Мишка не собирался и заикаться. – Вон, Юльку отпустила, значит, помощница не нужна. Наверное, не так уж и страшно.

– Юльку, говоришь, отпустила? – не отставал дед. – Сама, или Юлька отпросилась пса лечить?

– Не знаю, деда, без меня разговор был.

– А мать на что жаловалась? Где болело?

– Ни на что не жаловалось, наоборот, говорила, что полегчало, а потом сознание потеряла.

– Кхе... Ни на что не жаловалась... А Юльку выставила...

«Неужели знает? И как свекр должен относиться к беременности невестки, уже больше трех лет как вдовой? Нравы ЗДЕСЬ достаточно свободные. Досвадебная беременность не грех, а как бы и достоинство – свидетельство физического здоровья и плодovitости. Церковь, само собой, порицает, но здесь, если надо, на церковь кладут с прибором – не Испания, чай. Да и там инквизиция появится только лет через триста, наверно...»

Блин, куда меня понесло? Испания, инквизиция... Если дед знает или догадывается, то... что? Не знаю, даже представить себе не могу его реакции. Но в селе не знают, это точно. Иначе давно бы судачили. Значит, не с кем-то местным. На ярмарку в этом году не ездили из-за эпидемии, купцы осенью по той же причине не приезжали. Нет, похоже, все-таки, кто-то свой, но конспирацию соблюли.

Юлька, будем надеяться, не протреплется, Настена, разумеется, будет молчать, дед, если знает – тоже. С этой стороны опасаться вроде бы нечего, только бы Настена мать откачала. А Юлька – Чифа».

– О чем задумался, Михайла-стрелок? – снова подал голос дед.

– Да я, деда, Юлке две шкуры пообещал. За лечение. И сказал, что мать ей шубу сошьет. Видал, в чем она ходит?

– Верно сказал, и сделал сегодня все верно. Хвалю!

«Опаньки! Вполне серьезно хвалит! Подобная дедова похвала дорогого стоит. Тем более, в таком деле, как стрелковый бой и спасение раненых. Как-никак, дед – сотник латной конницы. Если бы не в ополчении, а в княжеской дружине – должность боярская».

* * *

Да, дед был, еще совсем недавно, сотником кованной рати – главной ударной силы княжеского войска. Село Ратное носило такое название не зря. Около ста лет назад, повелением князя Ярослава Мудрого, сюда в глубинку, на границу бывших древлянских и дреговических земель, определили на жительство сотню княжеских воинов с семьями.

Князя Ярослава Киевского не зря прозвали «Мудрым». Этим мероприятием он убивал сразу нескольких зайцев. Во-первых, в припятской глухомани, где с большим трудом приживалось христианство, появлялось сразу более полутысячи православных, никакими родственными узами с местными язычниками не связанных. Во-вторых, недалеко от границы с Волынью появлялся достаточно сильный гарнизон, не просто несущий службу, а вынужденный защищать свои дома и семьи. В-третьих, киевская власть закреплялась на землях, до того принадлежавших ей, по большей части, чисто формально. До таких отдаленных мест руки у Киева по-настоящему не доходили. Можно назвать еще и в-четвертых, и в-пятых, и так далее. Мудр был Ярослав Киевский – не отнимешь.

С тех пор, по первому призыву князя киевского, а позже туровского, все способные носить оружие жители Ратного нацепляли на себя воинское железо и садились в седла. И

во главе их почти десять лет стоял дед – Корней Агеич из рода Петра Лисовина – десятника четвертого десятка той, присланной сюда Ярославом Мудрым, сотни.

Так что дед если и не считался первым лицом в местной иерархии, то делил первенство со старостой. И должность его являлась вовсе не «шишкой на ровном месте». Село Ратное было богато и многолюдно, потому что по жалованной грамоте не платило никаких податей, рассчитываясь с князем за землю и привилегии воинской службой. Да и землю эту никто не мерил, как, впрочем, лесные, рыбные, бортные и прочие угодья, которыми пользовались жители Ратного. Пользовались по праву сильного, поскольку отвоевали эти угодья с оружием в руках у местных, поощряемых на сопротивление языческими волхвами.

Так и жила семья в почете и достатке, пока не наступила в ее жизни, как и в жизни многих других семей, черная полоса.

Началось все с небольшой, в общем-то, неприятности – сбежал холоп. Вернее, сначала одного холопа у деда выкупили. Приехали родственники с Волыни, привезли выкуп, поторговались, как водится, но решилось все полюбовно. Ну, как было такое дело не обмыть? Обмывали в течение нескольких дней, тщательно, со знанием дела, с хождением в гости и приемом гостей, поскольку точно такие же мероприятия проходили еще в нескольких семьях: последний поход за реку Горынь – в земли Владимиро-Волынского княжества – оказался удачным.

Пили меды, пели песни, клялись друг другу в любви «до гроба». Причем формулировка эта для клявшихся пустой формальностью не была. Первый же набег волынцев на Турово-Пинское княжество (или наоборот) каким-то количеством гробов непременно завершился бы, причем, с обеих сторон.

Когда гулянка наконец завершилась, похмелье, кроме всех обычных в таком деле неприятностей, ознаменовалось и еще одной. Все волынские пленники, за которых не привезли выкуп, видимо, сговорившись, дали деру. Среди них оказался и один дедовский, по имени Ерема. Мало того, что сам сбежал и коня со двора свел, так еще и соседскую девку, то ли по любви, то ли еще как с собой прихватил.

Искали беглецов недолго – меньше двух дней. Во-первых, с похмелья. Во-вторых, дел полно, некогда по лесам шляться. В-третьих, в каком-то заболоченном лесу, куда вроде бы уходили следы, нарвались на совершенно непонятно чью засаду. Потеряли несколько человек ранеными (слава богу, все выжили) и сочли за благо возвращаться по домам.

Кто ж знал, что это только первый звонок? На следующий год грянула эпидемия. Дед разом схоронил жену, незамужнюю дочь, новорожденного внука и еще несколько дальних родственников. Вымерли подчистую и семь холопских семей, которых дед поселил на выселках, планируя, видимо, завести собственную деревню и заделаться-таки настоящим боярином.

А потом была роковая сеча на Палицком поле. Княжеские воеводы вчистую прозевали фланговый удар вражеской конницы. Дедова сотня как раз на том фланге и стояла. Быть бы ей растоптанной и посеченной, но дед каким-то чудом сумел развернуть, перестроить, разогнать в галоп свою и часть соседней сотни. Половцы, составлявшие большую часть атакующих, вместо того, чтобы врубиться в незащищенный фланг, напоролись на встречную атаку сомкнутого строя кованной рати – самое страшное оружие в руках полководцев Средневековья. Лобового столкновения с латной конницей степняки не выдерживали никогда. Дед спас не только свою сотню, но и все княжеское войско. Но...

Через несколько дней к воротам дедова подворья привел телегу его сын Лавр. В телеге лежал труп Лаврова брата-близнеца Фрола – отца Мишки, а рядом с ним мечущийся в бреду дед, со страшным рубленым шрамом через левую половину лица и отнятой лекарем ниже колена правой ногой.

* * *

Деда лекарка Настена выходила. Правда, остался он инвалидом. Дело было даже не в ноге – в конце концов, через некоторое время дед научился ходить на деревянной, и даже без палки. Большую беду его организму принес удар половецкого клинка в лицо. При любой попытке взглянуть в отдаленный предмет или при сильном физическом напряжении у деда начинала трястись голова, мутнело в глазах, и дело запросто могло закончиться обмороком. С такой болячкой муж – не работник и, тем более, не воин.

Но судьбе, видимо, показалось мало тех испытаний, которые она вывалила на Анну-старшую – мать Мишки, невестку деда. Мало, оказывается остаться вдовой с пятью детьми и свекром-инвалидом на руках. Вскоре после смерти мужа, с непонятной даже для Настены болезнью слег старший из сыновей – Михайла.

Кто ж мог знать, что это вовсе не болезнь, а вселение в тело ребенка личности взрослого мужчины из XX века? Мишка пролежал пластом почти три недели, а потом ему, как младенцу, пришлось заново учиться ходить, говорить, узнавать родственников. Как и было обещано, проблем с адаптацией не возникло. Что возьмешь с мальчика, пережившего тяжелейшую болезнь?

Так они и сидели целыми днями на завалинке возле нагретой солнцем стены: маленький и большой, а на самом деле – почти ровесники, оба начинающие новую жизнь.

Один – потерявший почти все и готовящийся доживать век калекой-нахлебником, другой – получивший в подарок пятьдесят лет второй жизни после того, как почти распрощался с первой.

Один – атлетического сложения матерый муж, с проглядывающими сквозь густую седину русыми волосами и коротко стриженной бородой, еще не выцветшими от возраста синими глазами и рубленным шрамом, почти вертикально идущим через левую бровь, щеку и скрывающимся в бороде.

Второй – белоголовый тонкошейный мальчишка, унаследовавший от матери зеленые глаза, а от отца – раздвоенный ямочкой упрямый подбородок.

Было тогда Мишке десять лет, а Михаилу Андреевичу Ратникову, перенесенному почти на девятьсот лет назад, – сорок восемь. И был внук старше деда почти на два года.

* * *

А сейчас Мишке уже тринадцать, и дед – профессиональный военный, чином ну никак не ниже майора – вполне серьезно выносит ему благодарность за правильные действия в ситуации, которая запросто могла закончиться кровавыми ошметками и пустыми саями, стоящими посреди заснеженной лесной дороги...

Позади негромко скрипнула калитка, и Мишка, обернувшись, увидел входящего во двор дядьку Лавра.

– Что с Аней, батя? – не скрывая беспокойства, Лавр задал деду вопрос через весь двор – от самой калитки.

– Из саней выпала, зашиблась, – голос у деда был, как минимум, неласков. Так и слышалось в нем: «Шел бы ты отсюда, и без тебя тошно».

Лавр, нерешительно потоптавшись, произнес каким-то робким, совершенно ему не свойственным тоном:

– Сходить... Проведать...

– Незачем! – отрубил дед «железным» голосом. – Сейчас Анька-младшая сбегает, узнает, что нужно.

– Ну, и я бы с ней...

– Незачем!

«Чего это дед на него вызверился? Неужели?.. Вот те на! Хотя, родной брат-близнец, живем, считай одной семьей, только в разных домах... Ох и влип ты, дядька Лаврик!»

Отцов брат еще потоптался, явно не находя в себе сил уйти, тоскливо обвел вокруг себя взглядом и зацепился за груды волчьих туш в санях.

– Ты настрелял?

– Одного мать топором, еще одного Чиф... – в который раз завел Мишка.

– А остальных-то ты?

– Я.

– Из своей игрушки?

– Угу.

– Смотри-ка, полезная вещь оказалась! – удивился Лавр. – Может, мне и своим огло-едам такие же сделать, а? Давно уже просят, кстати.

– Незачем! – деда словно заклинило на одном и том же слове. – Незачем убойную вещь детям в руки давать! Еще друг друга перестреляют!

– Михаила же никого не перестрелял, – попытался спорить Лавр, – а еще «Бешеным» кличут.

– Михаила – другой разговор. Он и старше на год, и... – Деду откровенно не хватало аргументации, но соглашаться с сыном, на которого он был не на шутку сердит, не хотелось. Лавр, прекрасно зная отцовский нрав, снова обратился к Мишке:

– Сколько, выходит, твоих?

– Пятеро.

– А сколько раз стрелял?

– Один раз промазал, остальные попал.

– Издалека стрелял?

– Первого – шагов с сорока, остальных ближе.

– Зачем же так близко подпускал?

– Сани трясло, и заряжать сидя трудно.

– Сидя заряжать... А если рычаг наоборот сделать, чтобы рукой на себя тянуть?

Дядька Лавр был кузнецом и талантливым конструктором-самоучкой. За разговором о любимых железках он мог забыть о чем угодно. Сейчас, однако, он лишь имитировал интерес, используя разговор как повод для того, чтобы не уходить.

– Не вытяну, – отверг предложение Лавра Мишка. – Я же ногой всем весом давлю, а если рукой, то тогда мне сила нужна, чтоб на одной руке подтягиваться. Я так не могу, только на двух.

– А рычаг подлинней сделать?

– Тогда он длинней самострела выйдет, потяну, а он в живот упрется. Нет, не получится.

– Может, тогда за два раза взводить? Сначала на промежуточный стопор поставить, а потом до конца взвести? Нет, сложно получается и ненадежно... В общем, подумать надо. Ты тоже подумай, и еще насчет болтов...

Лавр не договорил, увидев, что на крыльцо выскочила Анна-младшая с узелком в руке.

– Деда, я к тетке Настене, – прощепетала Мишкина старшая сестра и, спрыгнув с крыльца, направилась к воротам.

Дядька Лавр сунулся было за Анькой.

– Лавруха! Назад! – строго приказал дед.

Анька на ходу обернулась, сочувственно глянула на Лавра.

– Я быстро. Вернусь, все расскажу.

«Да что они, все в курсе, что ли? Один я дурак-дураком? А чего вы хотели, сэр Майкл? Вам же тринадцать лет. Сами, между прочим, с женской половины дома слинять мечтали. Вот и не суйтесь не в свои дела. Прекрасно, будьте уверены, без вас обойдутся. Лучшие пользуетесь случаем: взрослые вашей игрушкой заинтересовались. Какую-то пользу в ней увидели».

– Дядька Лавр, ты чего про болты сказать хотел?

– А? Какие болты?

– Ну, ты сказал насчет болтов подумать, а что подумать – не сказал.

– Насчет болтов... – Ох, не до болтов было Лавру Корнейчу, и вообще ни до чего...

– Лавруха! – прикрикнул на сына дед. – Заикнулся – договаривай!

– Да видишь какое дело, батя, ...болты ...их много нужно, если еще и моим мальчикам...

– Да не тяни ты!

– Да я вот посмотрел: Михайла их клеит из плашек, это – правильно, а потом ножом обстругивает... Ну, в общем, у него, самое лучшее, один из пяти в дело идет, остальные он портит. Вот я и думаю: может, какую приспособу придумать, чтобы и быстро, и все одинаковые, и без изъяна.

– Так я придумал уже, – обрадовался Мишка, – только сам сделать не могу.

– Во! Приходи завтра ко мне в кузницу, расскажешь, вместе подумаем.

Лавр закруглил разговор и снова сунулся к калитке, видимо, собираясь нагнать Анну-младшую, но дед пресек его попытку в корне:

– Лавруха! Помоги-ка волков в сарай перетаскать. Мальцу неподъемно, как в сани-то еще втащил... Волков обдерёте, в дом идите, вместе Аньку подождём. Заодно и задумку свою объяснишь, Михайла.

* * *

В доме как раз заканчивали устранять следы Юлькиных медицинских манипуляций. Чиф, перевязанный в нескольких местах, уже лежал на половичке у печки, Машка смывала со стола кровь и выстриженную вокруг ран шерсть, а Юлька наставительным тоном объясняла ей, что кормить пса не надо, да он и сам есть не станет, а поить, наоборот, надо побольше, но каждый раз в миску с водой надо добавлять ложку отвара вот из этого горшочка.

– Ты бы, девонька, оставалась у нас ночевать, – предложил Юльке дед, – наша-то хозяйка, наверное, твою постель заняла.

– Спасибо, Корней Агеич, у нас место для больных есть, не первый раз.

– Ну, все равно, Анну дожись, вдруг еще чего из дому понадобится, так ты и захватишь. Михайла, давай рассказывай: чего ты там надумал?

– Рисовать надо, деда.

– Бери уголек и вот прямо на столе и рисуй, Марья потом еще раз протрет, после пса-то.

Мишка набросал схематическое изображение токарного станка с ножным приводом для работы по дереву. Насколько правильно вышло, он не представлял – сам видел такой станок только по телевизору. Правда, еще в пятидесятые годы у его бабки была швейная машинка с таким же приводом. Он даже однажды по малолетству подсунул под приводной ремень палец. Больно было, аж искры из глаз. Потому, наверное, и запомнил.

– Вот здесь ногой качаешь туда-сюда, раскручиваешь большое колесо, – принялся он пояснять свой чертеж. – На нем ремень, от него маленькое колесо наверху крутится. Вот здесь полочка, к ней резец прижимаешь, чтоб твердо стоял. Заготовка крутится, а резец с нее лишнее состругивает. А еще к маленькому колесу можно на одной оси точильный камень посадить. Тогда все, что хочешь, точить можно. Ногой крутишь, а обе руки свободны.

– А насколько маленькое колесо быстрее большого крутиться будет? – Лавр почти мгновенно понял принцип работы ножного привода и уже что-то прикидывал про себя.

– Насколько большое колесо больше маленького, настолько и быстрее. Если вдвое, то вдвое быстрее, если втрое, то – втрое.

– Это почему же?

– Ремень-то общий. Сколько ремня через одно колесо проходит, столько и через второе. Но второе-то меньше, значит, чтобы столько же ремня пропустить, ему быстрее крутиться нужно.

– Хитро!... А что? Может и получится. Приходи завтра с утра в кузницу...

– Завтра с утра, – вмешался дед, – он поедет туда, куда сегодня не доехал. Сено с лесных полей вывозить надо, а то снегу наметет – не пролезешь.

– Ну ладно, я тогда своим мальчикам объясню, – не стал перечить отцу Лавр. – Если сделают, будет им по самострелу.

– Не спеши, Лавруха! Пока вы мне не объясните, для чего нужно, чтоб у трех пацанов в руках убойное оружие оказалось, и как сделать так, чтобы они с ним беды не натворили, до тех пор я тебе самострелы делать не позволяю! Понял меня?

– Понял, батюшка, но Михаила сегодня сам спасся и мать от смерти спас. Это разве не причина?

– Такой случай может еще много лет не повториться, а огольцы с самострелами по селу каждый день таскаться станут. Ты мне причину найди, которая от случая не зависит. Такую причину, которая каждый день – причина. Тогда соглашусь! А этот станок, как ты сказал? Ножной? Так его пусть делают. Ты сам подумай: сколько круглых вещей в хозяйстве нужно? И себе наделаем и другим, если пожелают и заплатят. Вот это – причина на каждый день. Такую причину и для самострелов придумайте. И не забудьте еще: как сделать так, чтобы случайно беды не вышло. Болт вылетит – не поймашь!

В этот вечер Мишка заснул далеко не сразу, хотя вымотался за день и физически, и духовно: перебирал в уме различные аргументы, способные убедить деда дать согласие на изготовление еще двух самострелов для своих двоюродных братьев – близнецов Кузьмы и Демьяна.

«Вот задал старый задачку! Объясни ему, зачем детям оружие, и дай гарантии, что они никого не подстрелят. Этож дети! Да пошли они все, в конце концов, хотят самострелы получить, пусть сами головы и ломают! И так уже достали: «Дай стрелнуть да дай стрелнуть». Вот обзаведутся своими, тогда отвяжутся. Но это – аргумент для меня, а не для деда. Чего ж он хочет-то? А может, специально поставил невыполнимые условия? Не придумаем ничего, и проблемы не будет. Ладно, хватит мозги мозолить. Если решение у дедовой задачи есть – завтра всплывет: подсознание за ночь все варианты переберет, и что-нибудь да отыщется. Надо только не мешать ему, то есть спать. Ну и будем спать. Интересно, о чем это Анька с мужиками шепталась, когда от Настены пришла?..»

* * *

Утром ничего путного не всплыло. Сидя в санях рядом с Анной-младшей, Мишка снова попробовал было поразмышлять над дедовой задачей, но думалось как-то лениво.

– Что там с матерью? Чего ты вчера с дедом шепталась?

– Да хорошо все, сегодня она еще у тетки Настены побудет, а завтра сани подгоним и домой перевезем. Ушиблась она сильно... спиной.

«Ну да, так ты мне правду и сказала. Дитем меня считаешь, хотя самой только весной пятнадцать стукнет. Ну как же? «Что вы, мужчины, в этом понимаете? Тем более – дети»... Понимаем, Аннушка, может быть, и побольше вашего, только виду показывать

нельзя. Эх, доля мальчишечья! А ведь сколько стариков мечтает молодость вернуть. Вот, вернул – и что? Любая девчонка с куриными мозгами тебя за недоумка держит.

Да будет вам, сэр Майкл, бога гневить. Парились бы сейчас на зоне или, что более вероятно, в могиле лежали бы. А молодость – недостаток, который обязательно проходит со временем, простите великодушно за банальность».

– Минь, а волки на вас где напали, здесь? – робко поинтересовалась Анька-младшая.

– Нет, дальше немного, скоро подъедем, – пробурчал в ответ Мишка.

– А ты как думаешь, ты вчера всю стаю перебил, или еще остались?

– Если остались, сегодня добьем. Или они нас.

– Дурак!

– Какой есть.

Анька обиженно надулась, и какое-то время брат с сестрой ехали молча. Наконец показалось место вчерашнего побоища.

– Вот это место. Вон оттуда они выскочили, а вот здесь – видишь кровь на снегу? – мы с ними воевали.

– Минь, давай побыстрее поедем.

– Пожалей Рыжуху-то, вчера набегалась.

– Ты самострел-то держи под рукой... На всякий случай, – Анька принялась опасливо оглядываться по сторонам.

– Да перестань ты трястись! – попытался образумить сестру Мишка. – Отпустили бы нас, если б опасность была? А? В одном месте двух стай не бывает, а одиночка на людей не нападет. Скоро замуж идти, а простых вещей не знаешь!

– Все равно, боязно как-то...

– Тогда песни пой. Глядишь и полегчает.

– Да ну тебя!

Когда подъехали к тому месту, где надо было сворачивать в лес, Мишка заметил на снегу следы лосиного стада, ведущие в сторону поляны со стогами. Остановив Рыжуху, он вылез из саней и взвел самострел.

– Минь, волки?

– Нет.

– А чего ж ты самострел... – Анька заметно побледнела и снова принялась испуганно оглядываться.

– Не бабье дело, – не смог удержаться от колкости Мишка, – сиди спокойно и главное – тихо.

Мишка, стараясь не производить шума, начал по дуге обходить поляну со стогами так, чтобы несильный ветерок стал дуть ему прямо в лицо, относя и запахи и звуки в сторону от поляны. Подобравшись поближе, он разглядел, что заготовленным для домашней скотины сеном нахально угощается небольшое – в пять голов – стадо лосей.

Лоси вели себя достаточно беспечно, лишь вожак – здоровенный сохатый с роскошными рогами – время от времени прекращал жевать и принюхивался. Мишку он учуять не мог, но и запаха, исходящего со стороны оставленных саней, видимо, тоже не ощущал, потому что, втянув несколько раз ноздрями воздух, снова возвращался к прерванному занятию.

Мишка, поочередно замирая за каждым попадавшимся на пути деревом, подобрался-таки на дистанцию верного выстрела. Красавец вожак стоял неудобно, а вот уступающая ему в размерах лосиха как раз подставляла левый бок.

Мишка прицелился ей под лопатку и нажал спуск. С громким топотом стадо рвануло к деревьям. Все пятеро, включая и выбранную мишенью лосиху.

«Блин! Промазал! Нет, должен был попасть. Теперь набегаешься за подранком, и бросать обидно. Посмотрим на след, если крови мало, то и возиться не стоит».

Крови на снегу и вправду оказалось мало, но не вследствие промаха, а потому, что лосиха, сделав всего несколько прыжков, упала, не добежав даже до первых деревьев. Выстрел оказался убойным.

– Анька-а-а! Анька! Гони сюда! Анька! Не бойся! Все хорошо!

Через несколько минут на поляну выехали сани.

– Ой, Минька, это ты ее?

– Да нет, сама зарезалась от жизни бесприютной: ни дома, ни огорода, да еще муж – пьяница горький. Вот и надумала.

– Ну и тепло же ты! И в кого такой?

– В старшую сестру Анну. Дай-ка топор и сани вплотную поставь.

Обратно добирались долго. Лосиха была тяжеленная, и, чтобы не переутомлять Рыжуху, Мишка и Анна-младшая шли рядом с санями пешком. На ходу думалось хорошо.

«Дед явно считает, что поставил невыполнимые условия. Для близнецов и для дядьки Лавра – да, невыполнимые, а для меня? Что мы знаем о преодолении сопротивления нововведениям? Сначала попробуем выяснить, в чем причины сопротивления? Во-первых, дед, как и всякий хороший лучник, относится к самострелу, мягко говоря, скептически. Бесплезная игрушка, хотя и опасная, но не более. Во-вторых, он, надо сказать, вполне резонно, опасается давать детям в руки оружие. Однако существует такая штука, как теория внедрения, придуманная в семидесятых годах XX века, специально для преодоления сопротивления инновациям.

В соответствии с этой теорией все участники процесса должны быть разделены на три группы: рядовой состав, средний уровень и высший уровень – руководство. Условия успешного внедрения следующие. Рядовой состав не должен опасаться ухудшения своего положения в результате внедрения новинки. Средний уровень должен быть уверен в том, что от внедрения он получит какую-нибудь пользу. Либо материальную выгоду, либо повышение статуса. Высшему уровню, то есть руководству требуется прежде всего моральное удовлетворение, поскольку считается, что материальные и статусные проблемы на этом уровне уже решены. В подавляющем большинстве случаев такое моральное удовлетворение дает лезть: «только под вашим мудрым руководством», «ни у кого больше ничего подобного нет», «нам будут подражать конкуренты» и т. д. Это – в теории.

Попробуем приложить теорию к имеющейся ситуации. Рядовыми будем считать тех, кто к вопросу не имеет отношения: родственников, соседей и т. п. Основания для опасений у них есть: дурной малец может стрелкнуть куда угодно, а самострел, как бы к нему ни относились опытные лучники, оружие убойное. Значит, первой задачей будем считать снятие этих опасений.

За средний уровень примем меня, близнецов и, пожалуй, их отца – дядьку Лавра. Я, в случае чего, буду иметь три выстрела вместо одного и становлюсь как бы командиром стрелкового звена. Старшим стрелком, так сказать. Налицо и материальная выгода, и статусный рост. Близнецы получают возжеланные самострелы – выгода материальная. Дядька Лавр получает благодарность сыновей и, в перспективе, заказы на изготовление самострелов, если они приобретут популярность.

Теперь высший уровень – дед Корней. Какое моральное удовлетворение он может получить? Вернее, не так: какое моральное удовлетворение ему требуется? Он – отставной военный не самого маленького чина – сотник латной конницы. В привычных мне терминах – майор бронетанковых войск. Со службы «уволен» по ранению. Такие мужики вообще-то с удовольствием занимаются обучением новобранцев. Тем более, что все годные к тому

мужчины в селе – военные, наподобие казаков в Российской империи. Но самострел-то он полезным в военном деле не считает!

Стоп! Что-то он такое рассказывал про прежние времена, когда местные язычники еще не смирились с нашим появлением здесь и ратники даже на работу в поле ходили с оружием. Вроде бы тогда существовала так называемая «Младшая стража» – подростки, которые дежурили на наблюдательных пунктах, ходили в дозоры... Предложить деду возродить старую традицию? А что? Может и получится. Ну, а военная дисциплина поможет снять опасения по поводу детской дури с оружием. Скажем, не позволять близнецам постоянно бесконтрольно таскаться с самострелами, а только по делу и под присмотром.

Кстати, а не ввести ли в обиход название «стрелец»? Стрелком можно и лучника называть, а стрелец – арбалетчик. Когда еще огнестрельное оружие изобретут и стрелецкие полки появятся? Можно пока попользоваться термином. И звание «старший стрелец» славянский слух не режет, не то что капрал или ефрейтор.

Или не стоит? Сначала надо согласие деда получить, а термины никуда не денутся – в свое время сами найдутся.

Подводим итог. Опасения по поводу безопасности сняты. Выгода для среднего уровня определена. Есть, кстати, и еще выгода для всей семьи – три лишних стрелка на ежегодной облавной охоте. И, наконец, моральное удовлетворение для высшего руководства, тоже, будем считать, вычислено правильно – старики традиции любят. Ну-с, сэр Майкл, посмотрим, как работает управленческая теория за восемьсот с лишним лет до ее создания!»

* * *

Подъезжая к селу, Мишка попытался представить себе реакцию баб у колодца. В том, что там обязательно кто-нибудь будет, сомневаться не приходилось.

«Вот ведь угораздило вырыть колодец почти возле самых ворот. Есть ведь еще несколько по всему селу, но толпятся всегда именно возле этого. Любой вход-выход, въезд-выезд – на глазах у женсовета».

Сегодня повезло особенно – в тусовке оказался кто-то из тех, кто наблюдал его вчерашнее возвращение.

– Михайла! А эта тоже на тебя охотилась? Когда ж ты сено-то привезешь? Все мясо да мясо.

«Блин! Знают даже, зачем ездил. Ну что за наказание каждый день тут фейсконтроль проходить?!»

Дед как будто сговорился с бабами, задудел в ту же дуду:

– Да когда ж ты сено-то привезешь? Я тебя зачем посылал? То волки, то лоси, чего завтра ждать? Жар-птицу? А еще хотите новых самострелов наделать, так тогда и вообще никакой работы не станет – одна стрельба!

– Жар-птицу не обещаю, – бодренько отозвался Мишка, – но причину привез.

– Что привез? – не понял дед.

– Ты вчера говорил, чтоб причину нашли: для чего еще два самострела делать?

– А! Ну и для чего?

– Сколько мы стрелков на облавную охоту выставяем? Одного? А если еще близнецы с самострелами да я, сколько выйдет? Четыре. Значит, и доля в мясе и шкурах другая.

– Не-а, Михайла, не угадал! – дед отрицательно помотал головой. – Эта причина один раз в году бывает, а я говорил – на каждый день! За свежатинку, конечно, спасибо, а сено все равно возить надо. Только гляди, половца подстреленного не привези. От него ни шкуры, ни мяса. Ну, разве что убьешь не до смерти, а Юльке подаришь для ученья. Помрет – не жалко.

– Есть и вторая причина, деда!

– Ну-ну, – дед благосклонно покивал, – излагай.

– Ты вот все говоришь, что молодняк надо тщательнее к воинскому делу приучать. И не только владению оружием учить, но и порядок соблюдать, и приказам подчиняться, и всем заодно действовать, а не каждый по себе. Так?

– Говорил, не отказываюсь.

– А еще ты рассказывал, что поначалу, пока местных не приструнили, жили каждый день, как на войне. Даже в поле работать с оружием ходили. И тогда, ты говорил, мальчишки помогали. На страже стояли, в дозоры ходили. Даже название было – «Младшая стража». Так?

– Ну-ну, дальше давай, – дед, кажется, понял, к чему клонит внук, и заинтересовался.

– Так вот, почему бы нам старые порядки не возродить? – принялся ковать железо, пока горячо, Мишка. – Для начала ты нас троих поучишь: как на страже стоять, как засады устраивать и все такое прочее – что сам посчитаешь нужным. А чтоб не таскались целый день с самострелами, держать их у нас в оружейной кладовке. Выдавать только на время учебы, а потом забирать. Получится с нами троими, тогда можно и других ребятишек на учебу поставить, и Младшую стражу возродить. И для дела польза, и знания твои втуне пропадать не будут.

Дед помолчал, поскреб в бороде и неожиданно улыбнулся.

– Уел, поганец! Уел. Кхе! Быть по сему! Дозволяю! Но глядите у меня: учить буду по всей строгости! Кхе! А за сеном завтра все равно поедешь!

* * *

К глубокому разочарованию членов «женсовета», Мишка на следующий день привез из леса именно сено. И еще через день – тоже. И целую неделю подряд возил, пока не переправил в село все стога с лесной поляны.

А мать от лекарки перевез дядька Лавр. Несмотря на ее слабые протесты, поднял на руки, как ребенка, вынул из саней и внес в дом. Дед, не то действительно сердитый, не то, скрывая за злостью какие-то другие эмоции, нараздавал «всем сестрам по серьгам»: обозвал сына косоруким, хотя тот нес Анну-старшую, как величайшую драгоценность, шуганул младших двойняшек Сеньку и Ельку, заставил Марью – вторую старшую сестру Мишки – заново перестилать постель...

Мишка с Анной-младшей, чтоб не попасть под раздачу, торопливо запрягли Рыжуху и укатали со двора. Мишка, «на автомате» управляя санями, вспоминал, каким было выражение лица у Лавра, когда он нес мать через двор. Специально, наверное, не подъехал к самому крыльцу, чтобы подольше подержать ее на руках. Не отрываясь, смотрел только на нее, и наплевать ему было на то, что на них пялится все семейство. Если б мог, нес бы так и нес, версту, две, три... Увы, таких обширных подворий не бывает.

«Вот были бы мы язычниками... Был вроде бы когда-то такой обычай: брать за себя жену погибшего брата, растить его детей, как своих. Сколько ни талдычь о таинстве брака, целесообразность старого порядка так просто не отбросишь. А когда еще такая любовь...

Да и не только в любви дело. Невозможно вот так прийти и сказать людям: раньше вы жили неправильно, а потому будете теперь жить так, как мы вам укажем. Кому-то новый порядок действительно придется по душе, кто-то костями ляжет, сопротивляясь нововведению. А большинство, если деться некуда, вроде бы и подчинится, но на самом деле начнет коллективным разумом и практикой многочисленных проб и ошибок изобретать некий симбиоз старого и нового. Те же князья, вроде бы поголовно крещенные, христианство насаждают, если надо, огнем и мечом, а имена – сплошь языческие: Всеволод, Ярослав,

Игорь... Что ж простым-то людям? В окрестные селения поам без княжеских дружинников лучше и не соваться, да и у нас тоже, хоть и церковь есть, и христианами все считаемся... Велесову бороду во время жатвы из последних на поле колосьев заплетают, обереги на одной веревочке с православным крестом носят, а уж вышивки на одежде да узоры на утвари – сплошь языческие. Да и праздники: и Купала, и Велик Медвежий день и Макошина неделя... Коммунисты тоже все эти масленицы, троицы, рождество (аж две штуки) и прочее вытравить не смогли. Впрочем, как и демократы Первое мая, Восьмое марта, День Победы. Не так-то это все просто».

Анька, долго ехавшая молча, вдруг томно вздохнула и выдала романтическим голосом:

– А какой дядька Лавр сильный! Пока Машка постель перестилала, все время маму так на руках и держал...

– Так он кузнец. Конечно, сильный! – прикинулся пеньком Мишка.

– Глупый ты еще, Минька...

«Совершенно с вами согласен, многоуважаемая Анна Фроловна. Постичь извивы женской логики в девичьем исполнении не должен быть способен по определению: вследствие малолетства и изначальной ущербности мужского сознания. От комментариев, следовательно, воздерживаюсь, а то, что ты готова сама на любой скорости из саней сигануть, лишь бы потом тебя так же вот на руках носили, мне, конечно же, и в голову не приходит. Коза ты, блин, недоенная!»

– Н-но! Милая! – понукнул Мишка Рыжуху и засвистел по-разбойничьи.

* * *

– Ну, Михайла, расскажи нам, в чем стрелок из самострела слабей лучника, а в чем – сильнее? А вы слушайте, потом повторить заставлю. – Дед грозно окинул взглядом первых «слушателей стрелковых курсов» Кузьму и Демьяна. – Прежде чем обращению с оружием учиться, надо точно знать, что это оружие может, а чего – нет. Только тогда, когда узнаете его возможности, сможете понять, как обратить себе на пользу его сильные стороны и не пострадать от слабых.

Дед и вправду взялся за воинское обучение ребят с энтузиазмом и очень серьезно, не пренебрегая, в том числе, и теорией. Впрочем, тактики применения самострелов он, похоже, не знал, поэтому не всегда было понятно: то ли дед экзаменует Мишку, то ли сам пытается получить новые для себя знания. Мишка, естественно, тоже имел о тактике арбалетчиков весьма смутное представление, но выход из этого затруднения нашел. Просто-напросто представил себе, что во время срочной службы в Советской армии был вооружен не автоматом АКМ, а самострелом, со всеми соответствующими поправками. Пока вроде бы получалось.

– Стрелок слабее лучника, – начал Мишка, – потому что стреляет медленно. Пока я самострел перезаряжу, лучник десяток стрел выпустить успеет. Еще – стрела из лука летит дальше самострельного болта. Поэтому стрелку с лучником в открытую биться бесполезно. Лучник его к себе на дальность убойного выстрела просто не подпустит.

Но есть у самострела и преимущества. Первое: лучник может стрелять, только стоя во весь рост или с колена, а из самострела можно, как захочешь: стоя, сидя, даже лежа. Поэтому лучник весь открыт, а я могу спрятаться. Лук, готовый к бою, не спрячешь, а взведенный самострел можно скрыть под одеждой, спрятать за спину или вообще положить на землю, например в траву. Это преимущество стрелка – скрытность.

Второе: лучник должен быть сильным человеком. Дальность выстрела зависит от того, как сильно он тетиву натянет. И еще: он может устать, или быть ранен, или еще что-то. Самострел же стреляет всегда одинаково: устал стрелок или ранен – не важно. Лишь бы

смог рычаг повернуть, а дальше самострел все сам сделает. И силы особой не нужно – из самострела может стрелять и ребенок, и женщина. В этом тоже преимущество самострела – легкость в обращении.

Третье: от мальчишки или женщины ждут чего угодно, но не выстрела, пробивающего доспех за десятки шагов, значит, еще преимущество – неожиданность.

Четвертое: лучник учится своему искусству всю жизнь, но все люди разные, поэтому у одних получается лучше, у других хуже. Стрелка можно обучить за несколько недель, и все обученные будут стрелять примерно одинаково. Значит, командир точно знает, когда давать команду стрелять и чего от выстрела можно ждать. Это преимущество можно назвать предсказуемостью.

Пятое: лук зависит от погоды. В дождь тетива из жил может размокнуть и ослабнуть, да и сам лук сырости не любит. У самострела тетива может быть тоже из жил, а может быть и из проволоки, и тогда ей дождь не страшен. Это преимущество, вместе с тем, что из самострела может выстрелить и уставший, и раненый, можно назвать надежностью.

Шестое: лучнику, кроме лука и стрел, нужно еще другое снаряжение: саадак для лука, колчан для стрел, кольцо на палец правой руки, щиток на левую руку. Еще нужна подходящая одежда, которая не будет мешать стрелять. Стрелку ничего этого не нужно. Это преимущество можно назвать простотой.

Простота – это вообще главное достоинство самострела. Это только кажется, что лук прост. Хороший лук состоит из многих частей и делается мастером очень долго. Тут и дерево, и кость, и жилы, и железо, и кожа, и, бывает, береста. А еще клей, всякие пропитки, лак. Каждая часть очень тщательно подбирается и подгоняется к другим. Поэтому хороший лук дорог. По сравнению со сложным луком, который выходит из рук искусного мастера, самострел прост. Обучиться стрелять из него проще, чем из лука. Пользоваться им могут простые люди, а не только воины, упражняющиеся каждый день. Стрелять можно из любого положения, и все это – тоже простота.

Если перечислить все преимущества самострела, сразу станет ясно, для чего он лучше всего подходит. Слушайте: простота, легкость в обращении, надежность, неожиданность, скрытность, предсказуемость. Если все это сложить вместе, то получается, что самострел – оружие слабого человека против сильного, оружие мирного человека против воина, оружие обороны, а не нападения. Значит, пользоваться им нужно из засады, из-за прикрытия, с подготовленного заранее места, чтобы сразу после выстрела можно было спрятаться или отступить. Поэтому, взяв в руки самострел, не воображайте себя витязями, которые сейчас прямо пойдут и всех победят. Лучше не надо никуда с ним ходить. Самый хороший результат получится, когда вы на знакомом и привычном месте, а противник о вас и не подозревает. Тогда первый выстрел за вами, и он должен быть неожиданным и точным, потому, что второго вам, скорее всего, сделать не дадут.

– Кхе! – дед был явно доволен. – Поняли? Вижу, что главного все-таки не поняли.

– Поняли, деда, поняли, чего ж тут не понять? – замолотили языками близнецы. – Минька все хорошо рассказал.

– А если поняли, то скажите: почему учебу мы начнем, не держа самострелов в руках?

Близнецы озадаченно замолкли, обернулись к Мишке. Обернулись, кстати, зря – Мишка и сам не мог уловить направления дедовой мысли. Рассказывая о преимуществах самострела, он специально свел все к тому, что это оружие обороны, оружие мирных людей. Воинский пыл Кузьки и Дёмки надо было охлаждать с самого начала обучения. Но дед, очевидно, решил в этом вопросе пойти еще дальше. Только вот – куда?

– Что молчите? На Михайлу не оглядывайтесь, своей головой думайте. Ну, не додумались? А Михайла все, что нужно вам сказал. Ну-ка вспоминайте: стрелять надо из укрытия, с подготовленного места, и второго выстрела вам сделать не дадут. Поэтому начнем с того,

что будем учиться выбирать подходящее место и правильно определять расстояние до цели. Вон там Михайла с утра воткнул ветки в снег. Видите?

– Видим!

– Сколько шагов до ближней?

– Сто! Нет, меньше! Нет, больше.

– Хорошо, – дед усмехнулся в усы, – тогда вопрос полегче: до какой из трех – сто шагов?

– До средней! Нет, до ближней!

– Все неверно. Ни до какой. Теперь посмотрите вон туда, – дед указал рукой близнецам за спину. – Там четыре ветки, и воткнуты они через каждые двадцать пять шагов. Значит до второй – пятьдесят шагов, до третьей – семьдесят пять, до четвертой – сто. Запоминайте, как это выглядит. Запомнили? А теперь снова смотрите на те три, которые я вам сначала показал. Сколько до ближней?

– Меньше ста!

– Верно, а к чему ближе – к сотне или к семидесяти пяти?

Близнецы заоглядывались, сравнивая расстояния.

– Вроде бы к семидесяти пяти.

– Тоже верно. До ближайшей ветки восемьдесят шагов. А сейчас, первый урок вам: во все стороны от тына отмеряйте по сто шагов и через каждые двадцать пять шагов втыкайте вешки. Во все стороны, это не значит, что только в четыре: на север, юг, запад и восток. Между ближними к тыну вешками тоже должно быть по двадцать пять шагов. В общем, работы вам троим на целый день. Когда снег сойдет, вместо вешек принесете камни и намажете их белилами со стороны села. Снаружи посмотреть – камень как камень, а из-за тына – метка для стрелков. Все поняли?

– Да!

– Идите, работайте.

Вроде бы все было нормально, но сомнения по поводу эффективности учебы у Мишки все равно оставались. Во-первых, дед сам из самострела никогда не стрелял. Был он раньше, до ранения, очень неплохим, как говорили, лучником, поэтому Мишка опасался, что и учить он их будет как лучников. Во-вторых, было совершенно невозможно представить себе, как дед, неспособный из-за ранения вглядываться в отдаленные предметы, собирается оценивать результаты стрельбы, маскировки, правильность оценки стрелками расстояния и так далее.

К вечеру, после того, как все село было окружено четырьмя концентрическими кругами воткнутых в снег вешек, Мишка приплелся домой голодный уставший и мокрый. Дед критически оглядел его, начал было высказываться на тему: «тяжело в учебе – легко в походе», но, поняв, что от внука сегодня уже толку не будет, прервался, не закончив фразы.

– Ладно, Михайла, сейчас тебя хоть на веревку вешай, как белье. Хотел тебя сегодня расспросить, да уж отложим до завтра.

– О чем расспросить-то, деда?

– О том, как ты из самострела стрелять учился. Чему другому я вас и сам обучить могу, а этому – придется тебе. Если сможешь это сделать толково, братья тебя за командира сами собой признают. Но мне это тоже знать надо, да и подскажу, может, чего полезное. Так что думай пока, а завтра поговорим.

«Как же я стрелять учился? Ну, появился у меня самострел... нет, пожалуй, все началось раньше – тогда, когда мы с дедом пастухами заделались...»

Глава 2

За полтора года до описываемых событий. Лето 1123 года. Село Ратное и его окрестности

Деятельная натура деда Корнея требовала обязательно заняться какой-то работой. Тем более, что благосостояние семьи после его ранения и гибели сына резко пошатнулось. Делать что-то, что требовало силы или долгой ходьбы, дед не мог. Значит, ни пахать, ни косить, ни заниматься другими подобными работами. Главный свой приработок в мирное время – бортничество – деду тоже пришлось забросить: в его состоянии нахаживать многие версты по лесу и лазать по деревьям к дуплам диких пчел было совершенно невозможно. Разумеется, семья совсем уж в нищету не впала: какой-то жирок за прежние времена накопили. К тому же в селе, где подавляющее большинство мужчин составляли военные профессионалы, умели поддержать увечных воинов. Плюс, все понимали, что Корней Агеич тогда, пострадав сам и потеряв сына, спас множество жизней, но дед, еще недавно бывший чуть ли не первым лицом, заботой сельчан откровенно тяготился. К тому же могучий организм не старого еще мужа постепенно преодолевал последствия ранения – меньше мучили головные боли и головокружения, перестала трястись голова. Со зрением, правда, остались проблемы, и дед, всматриваясь вдаль, зажимивал левый глаз, словно прицеливаясь.

И тут-то как раз и выпал случай. Село богатое, соответственно и стадо, которое надо пасти, большое – несколько сотен голов. Траву на небольших лесных пастбищах оно выедало быстро, и скотину часто приходилось перегонять с места на место. Вот хозяева, покалякав между собой да со старостой, решили стадо разделить. Понадобились новые пастухи.

В седле дед держался уверенно, с кнутом обращаться умел прекрасно, а для наблюдения за дальним краем пастбища ему в помощники, в качестве еще одной пары глаз, приставили Мишку. Вторым пастухом стал Немой. Был он каким-то дедовым дальним родственником, что, впрочем, для существующей более ста лет общины редкостью не являлось – за сто лет чуть ли не все село вперекрест переженилось и породнилось. Однако связывало Немого с дедом не только родство, но и общая судьба.

Свой жуткий шрам на лице дед заработал, спасая Немого, когда тот, получив два тяжелых ранения, повалился на шею коня и начал медленно сползать набок. Дед Немого прикрыл, даже срубил половца, норовившего добить раненого, но от удара второго степняка не уберегся – упал с разрубленным лицом, а ногу ему уже потом кони стоптали.

Немой же благодаря деду выжил. Впрочем, до того дня говорить он вполне умел. Звали его Лют, в крещении Андрей, и был он парнем медвежьей силы, молчаливым и угрюмым: редкий односельчанин мог похвастаться, что видел, как Андрей улыбается. Из той сечи на Палицком поле он, так же как и дед, вышел калекой. Половецкая сабля начисто снесла ему три пальца и половину ладони на левой руке, а наконечник копья пробил горло, навсегда лишив голоса. В довершение всех бед, через несколько месяцев после ранения Немой лишился единственного близкого человека – матери.

Деда Корнея после всего случившегося он почитал как отца родного, и как-то так незаметно получилось, что стал Немой еще одним членом его семьи. Вплоть до того, что, забросив собственное опустевшее подворье, переселился жить в пристройку в дедовой усадьбе, в которой когда-то, в благополучные времена, обитала холопская семья. Никто и не удивился, что когда дед подался в пастухи, Андрей последовал за ним.

Четвертым в их компании стал, конечно же, Чиф. Пушистым черно-рыжим шариком он катался по всему пастбищу, каким-то чудом умудряясь не попасть под копыта или на

рога, но почти каждый день вляпываясь в свежие коровьи лепешки, с соответствующими последствиями для экстерьера и аромата.

Вот эта-то компания и послужила толчком для пробуждения в теле мальчишки из села Ратного личности Михаила Андреевича Ратникова из города Санкт-Петербурга.

В тот день – самый обыкновенный, ничем в череде других таких же дней не выделяющийся, дед в положенное время развел костерок и принялся кашеварить. Так уж почему-то получилось, что соль оказалась у Мишки, а что-то еще – то ли сало, то ли лук – у Немого. Дед подозвал обоих к себе, они протянули, не слезая с коней, требуемые продукты, и тут появился Чиф. По обыкновению благоухающий навозом и несущий в зубах не то крысу, не то еще какого-то мелкого зверька, вероятно, предназначенного стать его долей в общий котел.

«Трое в лодке, не считая собаки. Ирландское рагу».

Мысль ударила, словно электрический разряд. И вовсе не похож был Чиф на фокстерьера Монморанси из книги английского писателя, но почти дословное воспроизведение ситуации, описанной Джеромом Клапкой Джеромом, стало, тем не менее, ростком, из которого начало стремительно вырастать дерево воспоминаний.

«Я, Ратников Михаил Андреевич, проживающий: Санкт-Петербург, улица... Мама моя! Получилось! Я живой, я молод, я свободен! Впереди целая жизнь...»

– Михайла, ты чего? Андрюха, лови его, падает!

Очнулся Мишка уже на земле, от того, что Немой плескал ему на лицо воду, а Чиф ее тут же слизывал. Все-таки эмоциональный всплеск оказался очень мощным, и детский организм благоразумно отключил сознание, ставшее на какой-то момент настоящим вулканическим страстей, как бы банально это определение не звучало.

Дед, сначала решивший, что вернулась непонятная внукова болезнь, потом пересмотревший диагноз в сторону «солнцем голову напекло», заставил Мишку часа два пролежать в тенечке, а по пути домой все время поглядывал, не собирается ли внучек снова скovyрнуться с конской спины на грешную землю.

Двухчасовое лежание в тенечке действительно помогло: эмоции кое-как удалось пригасить, но мысли... Мысли с этого дня стали одолевать «новорожденного» постоянно. Так и появилась привычка к внутренним монологам или диалогам с язвительным собеседником, иронично обращающимся к Мишке «сэр Майкл».

Впрочем, поначалу впадать в особую задумчивость новое тело не давало. Детский организм требовал движения, крика, впечатлений – всего того, что так раздражает порой взрослых в детском поведении, но что совершенно необходимо для нормального развития. Зачастую Мишка легко побеждал Михаила Андреевича Ратникова, и тот на некоторое время как бы засыпал. Но зато, когда выпадала спокойная минутка, мысли, отнюдь не детские, начинали литься, захватывая сознание безраздельно.

Максим Леонидович оказался прав: адаптация удалась стопроцентно. Дом был действительно родным домом, мать – матерью, язык двенадцатого века – родным языком, привычным и понятным. Даже быт, коренным образом отличный и менее комфортный, не породил никаких проблем.

Временной зазор между «вселением» и «осознанием» сыграл роль своеобразного психологического демпфера. Не будь его, еще неизвестно, как бы принял человек XX века необходимость есть вместо картошки репу, пользоваться вместо (пardon) туалетной бумаги мхом и мыть голову печной золой. А так Мишку нисколько не удивляло и не шокировало то, что сарафаном называется мужская верхняя одежда, что женщины используют для стирки куриный помет, что спать приходится вповалку на полатах, что в жаркую погоду мужчины, пренебрегая штанами, шеголяют в одних долгополых льняных рубахах.

Оказалось, что не является предосудительным называть вслух своими именами мужские и женские гениталии (они еще не стали ругательными), слова «змея» и «гад» поменя-

лись местами (змей – ругательство, а гад – обобщенное именование пресмыкающихся и земноводных), слово «дядька» обозначает не родственника, а наставника или просто нестарого, но уважаемого человека.

Любой взрослый (вовсе даже и не родственник) запросто может отпустить пацану подзатыльник или пинок (за провинность или просто так – чтоб под ногами не вертелся), и это не считается непедагогичным. А за серьезный проступок могут (вздрогните, господа гуманисты!) выпороть и плетью.

Чуть ли не половина домов в Ратном не имела печных труб и топилась по-черному. Несколько же совсем старых домов имели земляные полы и, входя в них, приходилось не подниматься на крыльцо, а спускаться на три-четыре ступеньки вниз, так как эти дома, по старинному обычаю, были почти на треть заглублены в землю. Окошки в домах служили скорее для вентиляции, чем для освещения, и либо затягивались бычьим пузырем, либо просто задвигались досечкой.

Но за время между вселением и осознанием Мишка ко всему этому и еще очень, очень многому привык. Всё было знакомым, понятным, своим, родным.

После некоторых размышлений пришлось признать, что взаимопроникновение двух личностей началось гораздо раньше «пробуждения». Иначе с чего бы Мишка, ни слова не знавший по-английски, да и не подозревавший о существовании такого языка, назвал щенка Чифом? Кстати, когда кто-то поинтересовался, что это за кличка такая странная, Мишка быстренько нашелся с ответом: специально так назвал, чтобы можно было при нужде и шепотом позвать, собаки, мол, лучше людей слышат.

Первые несколько дней после «пробуждения» были наполнены чистой светлой радостью какого-то биологического, что ли, уровня. Слишком приятным стал контраст между накопившим целую коллекцию болячек и недомоганий организмом почти пятидесятилетнего мужчины и телом двенадцатилетнего подростка, выросшего на свежем воздухе, в практически идеальной экологической обстановке и на естественной пище, не содержащей даже намека на нитраты, вкусовые добавки или модифицированные гены.

Однако жизнь очень быстро и беспощадно развеяла эйфорию, весьма наглядно продемонстрировав, что и с этим прекрасным телом не все в порядке. Орудием для разрушения иллюзий судьба избрала Мишкиного ровесника Ероху.

* * *

Ероха...

Уже потом, по прошествии некоторого времени, Мишка узнал, что в основе Ерохиного отношения к нему лежало не только традиционное в подростковой среде издевательское отношение к более слабому. Все было несколько сложнее. После ранения сотника Корнея на его место общим решением избрали отца Ерохи – десятника первого десятка Данила, бывшего у деда постоянным помощником. Избрать-то избрали, да только для княжеских воевод это избрание равным счетом ничего не значило. В первом же походе ратнинской сотне назначили командира со стороны – незнакомого боярина. Прокомандовал тот не долго – через несколько дней после его назначения сотня попала под обстрел на переправе.

Новый сотник был убит первой же стрелой. Тут бы Даниле и проявить себя: отдать несколько разумных команд, броском к вражескому берегу вывести сотню из-под обстрела, порубить или разогнать лучников, которых прошляпил передовой дозор – глядишь, и стал бы сотником, уже официально. Но он, привыкший за долгие годы быть за дедовой спиной, сначала растерялся, потерял драгоценные секунды, пытаясь не дать свалиться в воду уже мертвому боярину, а потом под ним убили коня, и ему стало уже не до командования.

От сотни вообще в тот день могли остаться рожки да ножки. Лучники били с невысокого берегового обрыва, находившегося чуть выше по течению, брод был узким, а стрелы летели не столько в людей, сколько в коней, которых быстро начала охватывать паника. Положение спас десятник девятого десятка Лука Говорун. Так уж повелось, что в двух последних десятках всегда собирались лучшие лучники сотни. Оба этих десятка еще не вошли в воду и так удачно ответили своими стрелами на выстрелы с того берега, что вражеским лучникам пришлось попятиться от берегового обрыва.

Лука Говорун тут же заорал, чтобы ратники шли вперед и укрылись под вражеским берегом. Те, кто услышал и послушался его – выжили. Но для многих было уже поздно. Примерно у трети всадников перепуганные кони шарахнулись в сторону с узкого брода и сразу же попали на глубокое место. Те, кого кони все-таки вынесли, спаслись, но большинство утонуло – ратник в полном вооружении слишком тяжел не только для того, чтобы выплыть самостоятельно, но даже и для того, чтобы его мог удержать на поверхности конь. Во всяком случае, не у каждого коня хватит на это силы, особенно если всадник запаниковал и не помогает животному, а, наоборот, мешает.

В результате из ста четырех человек выжили шестьдесят семь. Таких потерь за один раз у ратнинской сотни не случалось за все время ее существования. Особую же наглядность некомпетентность Данилы приобретала на фоне недавней сечи на Палицком поле, где убитыми сотня потеряла всего шестерых. Даниле, само собой, пришлось распрощаться не только с командованием сотней, но и с десятиничеством, тем более, что из его десятка выжило всего трое, включая и самого Данилу.

Каким-то образом обида за отцовскую неудачу проецировалась у Ерохи на Мишку. Возможно, сыграли свою роль слышимые то тут, то там разговоры о том, что «вот Корней Агеич уж такого бы не допустил», возможно, Ероха знал о долголетнем ожидании его отцом «повышения по службе», вместе с ним пережил сначала радость долгожданного избрания, а потом крах карьеры, возможно, еще что-то... Факт оставался фактом: прохода Мишке Ероха не давал. Вселение в Мишкино тело нового «жильца» ровным счетом ничего в этом не изменило. «Новый» Мишка убедился в этом менее чем через неделю после осознания этого вселения.

Как-то вечером, когда стадо уже пригнали с пастбища, Ероха с несколькими приятелями загородил проход одиноко идущему по переулку Мишке.

– Эй ты, недоносок! Ты почему не кланяешься?

Паника, охватившая мальчика, мгновенно задвинула сознание взрослого человека куда-то в дальний угол. Мишка растерянно остановился.

– Ты моих коров пасешь, значит – мой холоп. Должен кланяться!

Ероха схватил Мишку за волосы и начал пригибать его к земле, пытаясь поставить на колени. Физически он был сильнее Мишки, причем, изрядно сильнее. И ростом повыше и телом помассивнее.

* * *

Тогда, пережив несколько унижительных минут, Мишке удалось вырваться и сбежать, но теперь совершенно обыкновенный случай мальчишеских разборок заставил его серьезно задуматься сразу на две темы. Первая – его физическая немощь по сравнению с ровесниками. Вторая – его социальный статус. Ни то, ни другое ни в малейшей степени не соответствовало исходным данным: принадлежность к военной знати, возможно, к боярству.

«Могла быть ошибка? Вроде бы нет: имя совпадает – раб Божий Михаил. Или что-то пошло не так? Дед ведь около самого боярства покрутился, если б не ранение, мог и выслужиться. Но сейчас-то он пастух. Значит, делать военную карьеру самому? Такому

задохлику – слабее всех сверстников? Положим, Суворов тоже не богатырь был, даже наоборот. Но он был графом. В полк записан с младенчества и служить начинал сразу с офицерского чина, если не ошибаюсь.²

Я же никакой не граф и даже не пастух, так – подпасок. Служить, конечно же, начну рядовым, и с моими физическими данными накроюсь медным тазом в первом же бою. Блин, физподготовкой заняться, что ли? Интересно, как? В армии служил в полку связи, стреляли-то раз в полгода, а про что-нибудь вроде рукопашного боя даже и речь не шла. Ни боксом, ни борьбой не занимался. Всяких там дзюдо, каратэ и в помине еще не было. Ходил несколько лет в яхт-клуб, так здесь, в припятских лесах, все эти шкоты, фалы, шпангоуты – ни пришей, ни пристегни. Но делать-то что-то надо!

А чем, собственно, вы, сэр Майкл, от пацана Мишки из села Ратного отличаетесь? Какое преимущество вам дают прожитые ТАМ годы? Вы не супермен десантник-спецназовец, чтобы голыми руками крушить супостатов. Вы не химик, чтобы порох или еще что-то такое же полезное «изобрести». Вы не инженер, чтобы начать двигать технический прогресс двенадцатого века семимильными шагами, вы даже не реконструктор, худо-бедно владеющий холодным оружием и знающий хоть какие-то основы средневековой воинской подготовки.

Все эти «не» можно перечислять до бесконечности. А что вы, сэр, не «не»? Теория управления? Прекрасно! Социология? Замечательно! А кому они тут на хрен нужны? А вот мне самому как раз и нужны! Если не знаешь, с чего ходить – ходи с бубей! Если не знаешь, что делать – садись и анализируй ситуацию. Все как всегда, независимо от века, в котором ты живешь. Итак, поехали! Цель, которую необходимо достигнуть, задачи, которые нужно решить для достижения цели, структура, которая будет эти задачи решать, кадры, которые в этой структуре будут работать, ресурсы, которые кадры могут использовать... Ну, и так далее.

Цель. Помереть боярином. Прекрасная цель, а главное – легко достижимая. Вешаешь на грудь табличку с надписью «боярин», ложишься и помираешь. Только вот обещание, данное Максиму Леонидовичу, таким макаром не исполнишь, а мужик, между прочим, тебе новую жизнь подарил. Ждет, надеется. Ну, хорошо... Цель – стать боярином. Уже лучше, но как? На родственные связи рассчитывать не приходится, самому пробиться – проблематично. И все. Если при формулировке цели не обрисовывается круг задач, то формулировка неправильная. Недаром говорится: указать правильный путь – сделать полдела.

Пошли на третий заход. Общее направление остается – стать боярином. Однако будем считать это отдаленной перспективой. Каково главное препятствие по ее достижению? Неблагоприятные стартовые условия. Следовательно, ближайшая цель – изменить стартовые условия. Чем они меня не устраивают?

Первое – физическая немощь. Быть слабее всех сверстников мне нельзя да и просто стыдно.

Второе – социальный статус. Из пастухов в бояре – путь длинный, и успех на этом пути маловероятен.

Третье – одиночество. У Ерохи – команда. Пусть не очень сплоченная, пусть – небольшая, но она есть. Чем-то он к себе мальчишек привлекает. Если так пойдет и дальше, то ко времени настоящей ратной службы у него будет десяток или около того своих ребят. Если повезет и выживет, да еще хватит ума, то через несколько лет может стать десятиком. Вот и начало карьеры.

² Тут Ратников ошибается: во-первых, А. В. Суворов не был титулованным дворянином, титулы графа и князя получил за свои военные победы (граф Рымникский, князь Италийский). Во-вторых, в гвардию он был записан не с младенчества, а с 14 лет, а уже с 17 начал действительную службу, и не офицером, а всего лишь капралом (унтер-офицером), и капральскую лямку честно тянул 8 лет.

Итак, нарисовались три задачи: физическое развитие, нахождение способа восстановления благосостояния семьи, формирование своей команды.

Теперь структуры, которые эти задачи будут решать. Нет у меня никаких структур, кроме собственной семьи. Пока нет. Создам свою команду – появится еще одна.

Кадры. Опять же семья. Потом, если получится, команда.

Ресурсы. Прежде всего, ресурсы семьи. Вот с этим нужно поподробнее. Чем мои родители располагают? Дядька Лавр – кузнец, изобретатель-самоучка. Мать – портниха, знаменитая не только в своем селе, но и в ближайшей округе. Редко, но бывает, приезжают из соседних деревень, просят что-то сшить. Дед – отставной военный и отставной бортник. Немой – просто очень сильный и очень преданный деду человек. Говорят, в бою страшен. Был. Какой теперь – не знаю. Сестры Анна и Мария. Двойняшки, старше меня почти на два года. Младшие – тоже двойняшки. Сенька – брат и Елька – сестра. Младше меня на четыре с лишним года.

Это – все, чем я располагаю. С этим и будем работать. Не просто жить, а работать. Каждый день, каждый час. Все время помня о цели, к достижению которой надо стремиться. Тогда случай обязательно выпадет. Кто-то из великих, кажется Пастер, сказал: «Случай благоприятствует подготовленному». Вот и надо быть готовым. Если все мысли, все дела направлены на одну цель, рано или поздно получится, не может не получиться!

Подводим предварительный итог. Цель – изменение стартовых условий. Задачи по ее достижению: физическое развитие, восстановление материального благополучия семьи, создание своей команды. Структуры – семья. Ресурсы – возможности семьи и собственная голова (знания, жизненный опыт).

Вроде бы все верно. Теперь – технологии и планирование, то есть ответы на вопросы: как и в какие сроки?

Физическое развитие. Как? Вспоминай все, что про это знаешь. Знаешь ты много, пусть и теоретически. Знают также дед и Немой. Дед не только сам учился, но и наверняка учил других. Немой – не знаю. Обучение военному делу здесь невозможно без физического развития. Таскать на себе груды железа и железом же размахивать – дело не для слабаков. Значит, так и решаем: просим деда или Немого (или обоих сразу) потихонечку учить меня военному делу. Добавляем к этому то, что удастся вспомнить и применить из знаний прошлой жизни.

В какие сроки? Время у меня есть. Года два. Так и решаем: к четырнадцати годам равных мне по силе ровесников быть не должно.

Восстановление материального благополучия семьи. Как? Пастухом оставаться нельзя. Да и вообще, семью надо выводить из бедности. Рецепт тот же – вспоминай все, что знаешь. Что-нибудь обязательно должно прийти в голову.

В какие сроки? Это задача постоянная: наращивать материальное благополучие можно до бесконечности. Если говорить о сроках, то о сроках нахождения хотя бы одного способа или первого шага. Ну, скажем, месяц. На пастбище голова свободна, а ты не единожды убеждался: если упорно обдумывать проблему, решение можно найти почти всегда. Плюс к этому – целенаправленный сбор информации. Она, родимая, лишней никогда не бывает.

Создание своей команды. Как? Для начала – стать для кого-то (предпочтительно для сверстников) нужным и интересным. Чтобы к тебе тянулись. Потом сделать так, чтобы ощутили пользу от членства в команде. Потом... Про «потом» говорить рано. Ясно только одно: без хотя бы частичного решения первых двух задач нельзя реализовать третью.

В какие сроки? О сроках пока не будем. Все зависит от успеха в решении первых двух задач.

Итак, как говорил незабвенный Никита Сергеевич Хрущев: «Цели определены, задачи поставлены, за работу, товарищи!»

Начал Мишка прямо на следующий день. Отъехав на другой конец пастбища, так, чтобы Немой и дед не заметили, нашел подходящую ветку и попробовал подтянуться на руках. Вышло где-то два с половиной раза. Полноценно – один. Отжимания на руках от земли тоже не порадовали – что-то около четырех раз.

«Все ясно с вами, сэр! Извольте в течение месяца делать по одному подходу к «снаряду» каждый час. Потом посмотрим на результаты. А сейчас поехали собирать информацию».

– Деда, а почему про Андрея говорят, что он в бою страшен?

– Да потому, что и вправду страшен, – чувствовалось, что деду, разомлевшему на солнышке, не очень хотелось общаться, но Мишка решил проявить настойчивость.

– А чем страшен? Деда, ну расскажи! Ну что тебе, жалко?

– Вот пристал, репей. У него и спроси. Кхе! Он тебе и расскажет – заслушаешься!

– Деда, я же не как бабы у колодца – для сплетен, я – для дела.

– Это для какого ж дела?

– Ну, если он такой воин хороший, то, может, меня чему-нибудь научит?

– А с чего ты взял, что он хороший воин? – дед потихоньку все-таки начал втягиваться в разговор.

– Ты же сам сказал, что он в бою страшен.

– Страшен – не значит хороший. Вон у нурманов есть воины, берсерками называются, в бою в бешенство впадают. На них тоже смотреть страшно: рычит, как зверь, изо рта пена лезет, край щита зубами грызет. А Пимен – десятник одному такому как врезал снизу сапогом по щиту, так этому берсерку окантовка в рот до самых ушей въехала. Сразу страшным быть перестал. Прилег на травку и о чем-то своем, нурманском, задумался. Тихий стал, ласковый. Так и помер в благости, сердешный.

– А Андрей?

– Андрей – другое дело. Во-первых, сила у него непомерная. Ты не смотри, что он не самый высокий и не самый широкий в плечах, хотя и не худосочный. Сила не всегда снаружи заметна. Меч его видел? Таким только двумя руками ворочать, а Андрюха им одной рукой, как прутиком, помахивает. А во-вторых, на лицо его глядел? Всегда спокоен, ни радости, ни злости – ничего. А в бою вообще затвердевает, как у идола деревянного на капище. И вот это действительно страшно. Ни с каким берсерком не сравнишь. Смотрит на тебя и вроде не видит, а как мечом махнет – смерть! Не дай Бог в бою ему в лицо посмотреть, даже своим жутко бывает, хотя и привыкли, а уж ворогу... Случалось, наскочит на него какой молодец, глянет в лицо и оторопееет: застынет – ни рукой, ни ногой не пошевелить. Андрюха, правда, таких не убивал, плашмя глушил.

– Так он хороший воин?

– Очень хороший, и научить может многому, но учиться у него трудно.

– Потому, что не говорит, словами объяснить не может?

– Нет.

– А почему?

– А вот попроси его тебя поучить, сам увидишь.

– Деда, попроси его ты, он тебя послушает, а если я попрошу, может и не захотеть. Вон он как раз едет.

– Ладно. Андрюха! Вот Михайла просит его воинскому делу поучить. Возьмешься?

Немой лишь слегка повернул голову на дедов голос. Услышав вопрос, коротко кивнул и поехал дальше, как будто ничего и не было.

– Деда, чего он?

– Согласился.

– А когда учить будет?

– Не знаю. Ни когда учить станет, ни чему учить. Я тебя предупреждал: учиться у него трудно. Но если уж сам напросился – терпи.

Вечером Немой долго рылся в оружейной кладовой – коллекция оружия у деда за годы войн и походов накопилась изрядная. Да и от прадеда немало осталось. Немой гремел железом, хлопал крышками сундуков, наконец вышел, держа в руках небольшой, как раз Мишке по руке, кинжал и подкольчужную рукавицу из толстой кожи. Поманив к себе Мишку, он отдал ему рукавицу, а кинжал подкинул в воздух так, что тот сделал полный оборот и, словно сам по своей воле, лег рукояткой Немому в ладонь. Вопросительно посмотрев – понятно ли – повторил тот же фокус несколько раз и протянул кинжал Мишке.

Несколько дней Мишка в любой удобный момент только тем и занимался, что подкидывал и ловил кинжал. Кожаная рукавица спасла его от множества травм, но дважды он порезался достаточно сильно. Стоило только ослабить внимание, и оружие начинало жить собственной жизнью.

Кожаная рукавица пришла в негодность после нескольких дней занятий, и это был единственный результат – ничему путному Мишка не научился. Немой, казалось, совершенно не интересовался успехами ученика, даже тогда, когда Мишка упражнялся у него на глазах. Ни разу не попытался дать совет или исправить какую-нибудь ошибку.

Мишка попытался обдумать ситуацию, и результат размышлений оказался просто шокирующим: его развели как лоха, причем не только Немой на пару с дедом, но и собственный организм.

«Блин, я что, не знал, как учатся жонглировать? Да, сам не пробовал, но ведь ясно же, что начинать с остро отточенного оружия не станет ни один здравомыслящий человек! А рукавица эта дурацкая? Она же только помеха! Учиться, насколько я понимаю, надо начинать с какого-то безопасного предмета и нарабатывать рефлексy свободными руками, которые ничего не сковывает и не лишает чувствительности. Немой же все сделал с точностью до наоборот!»

А сам-то Немой умеет? Что он мне показал? Только то, как подкидывать и ловить нож одной правой рукой. Дед сказал, что он очень хороший воин, с чего бы вдруг? Тридцать лет, рядовой ратник, очень сильный физически и, если верить деду, способный напугать своей рожей кого-то особо впечатлительного. И где здесь воинское искусство? На Палицком поле его вообще нашинковали бы как капусту, если бы не дед.

Но я-то почему так дешево купился? Понятно, если бы я и в самом деле был двенадцатилетним пацаном. Взрослый дядька учит обращаться с боевым оружием – уписаться от счастья. Что произошло? Немой! Все дело в Немом! Неподвижное лицо, минимум объяснений, некая загадочность, навеянная дедовым враньем – просто какой-то гуру, сэнсэй и шаолиньский монах в одном флаконе! Насмотрелся ТАМ еще всякой муры по телевизору и спроецировал это на нынешнюю действительность. Получилось: пацан в восторге, а взрослый и не чешется, потому, что сам себе замазал глаза голливудскими штампами.

Да, сэр, за пацаном-то, оказывается, нужен глаз да глаз. Его вроде бы и нет, а на самом деле он вами управляет не меньше, чем вы им.

А дед зачем врал? Вообще-то, по большому счету, он и не врал – Немой, по сравнению со мной, действительно великий воин. Дед от меня просто отвязался: хочешь учиться – вот тебе учитель. А Андрюха от великого ума сразу боевой кинжал мальцу вручил, а чтоб дите не зарезалось ненароком, присовокупил рукавицу. Блин, даже не смешно, самому перед собой неудобно. На кого умиллся? Немой – обычный деревенский парень, не лапотник, конечно – ратницы по укладу и социальному положению, пожалуй, ближе к казачеству, но гуру? Мда, позвольте вам заметить, сэр Майкл, развели вас как узбека на одесском Привозе».

Весь следующий день Мишка потратил на то, чтобы изготовить деревянную копию кинжала, строго соблюдая соответствие веса, балансировки и длины. Получилось далеко не сразу, но зато тренировки начали давать ощутимый результат. «Сдавать зачет» Мишка решился только тогда, когда не просто научился уверенно ловить подброшенный кинжал, но и разучил несколько трюков, втайне рассчитывая удивить Немого. Тот совершенно невозмутимо просмотрел весь «цирковой номер» с бросками из-под колена, из-за спины, жонглирование прямым и обратным хватом, а потом указал пальцем на Мишкину лошадь.

Пришлось начинать все заново, но не стоя на земле, а сидя верхом. Сначала на лошади, идущей шагом, а потом и на рысях. Каждый раз, когда кинжал не удавалось поймать, приходилось слезать на землю, а потом снова забираться в седло.

В первый день конных упражнений, Мишка умаялся так, что ближе к вечеру, в очередной раз подобрав оружие с земли, просто не смог забраться на лошадь.

«Да он же меня не просто обращению с кинжалом учит, я же попутно научусь конем одной рукой управлять, в седло единым махом залетать, да и мышцы накачаю не хуже, чем на турнике. Ну дает Андрюха! А я его тупой деревенщиной посчитал. Он же мне первую задачу – улучшение физической формы – реализует, как будто знает, что я сам для себя решил».

Как выяснилось, планы Немого простирались намного дальше, чем мог вообразить себе Мишка. После отчета ученика об освоении очередного приема, он, как и прежде, не проявляя никаких эмоций, просто переложил кинжал из правой Мишкиной руки в левую, и мучения пошли по новому кругу.

Однажды, уже в середине лета, когда кинжал не просто упал на землю, а воткнулся почти вертикально, Мишка попытался подобрать его прямо с седла, благо его лошадека была малоросла. На первом заходе он промахнулся, не дотянувшись до рукояти. На втором чуть не сверзился вниз головой. Потом опять промахнулся. Получилось только с четвертого раза. После этого скаканья с лошади на землю и обратно прекратились, правда, и кинжал стал падать гораздо реже.

Мишка был чрезвычайно доволен собой, но однажды Немой протянул ему второй кинжал – точно такой же, как первый.

«Он что, циркача из меня сделать решил? А лошадью как править? Нет, я, конечно знаю, что можно управлять ногами, но лошадь-то этого не знает! Это ж придется еще и дрессировщиком стать!»

К тому времени, когда зарядили дожди и на деревьях начали желтеть листья, Мишка запросто мог наняться артистом в бродячий цирк. Он жонглировал тремя кинжалами на полном скаку, втыкал их в землю, а потом собирал, свешиваясь с седла, мог, подкинув и дав сделать несколько оборотов, поймать кинжал не рукой, а ножнами. Лошадь слушалась его беспрекословно без всяких поводов, а на конскую спину он взлетал, едва положив на нее на одну ладонь.

Немой, посмотрев на всю эту вольтижировку, впервые за все время не дал нового задания, а вечером привел Мишку к деду и знаком потребовал показать результаты учебы ему. Дед прокомментировал увиденное совершенно неожиданной фразой:

– Кхе! На празднике покажешь, девки млеть будут!

После этого Немой, отобрав у Мишки один кинжал, всадил его в ствол дерева, стоявшего примерно в десятке шагов и отвернулся, потеряв к ученику всякий интерес. Мишка даже не сразу понял, что это – новое задание. Похоже, наконец началась боевая учеба: метание ножа в цель – это уже не игрушки.

Не бросил Мишка и упражнения на «спортивных снарядах». Благо в лесу, рядом с пастбищем, всегда можно найти подходящую ветку. К концу лета он легко перекрывал все норма-

тивы, отравлявшие ему жизнь во время службы в Советской армии: все эти «выходы силой», «подъемы переворотом», подтягивания, отжимания на кулаках и прочее.

* * *

Выполнение первой задачи – физического развития – можно было признать продвигающимся успешно. Ероху он ростом за лето не догнал, но разница ощутимо сократилась. В силе тоже не догнал, а вот в ловкости и скорости превзошел. Один на один он против Ерохи теперь выйти не боялся, хотя явной победы ни разу не одержал. Расходились по большей части вничью, если не вмешивался никто из Ерохиных приятелей.

Впрочем, и эту проблему удалось если не решить, то значительно снизить ее остроту. Всех, кто вмешивался в его разборки с Ерохой, Мишка потом отлавливал поодиночке и лупил настолько крепко, насколько удавалось. Если победа оказывалась несомненной, Мишка не ленился объяснить поверженному противнику смысл поговорки «Двое в драку, третий – в... одно неприличное место». В подавляющем большинстве случаев нравоучение своей цели достигало.

В конце концов, и довольно быстро, Ероха утратил интерес к издевательствам над Мишкой – удовольствия становилось все меньше, а неприятностей все больше, но Мишка Ероху в качестве теста на уровень физического развития на заметку взял: тот день, когда он сможет недвусмысленно и неоспоримо одолеть Ероху, он решил считать окончанием первого этапа выполнения поставленной перед собой задачи.

С решением второй задачи – подъема уровня благосостояния семьи – поначалу получались сплошные обломы, причем винить в этом Мишке пришлось самого себя, прежде всего, за непредусмотрительность. К первому краху его привели чисто теоретические рассуждения о том, что литовкой косить намного удобнее и производительнее, чем корячиться, согнувшись в три погибели, с горбушей или жать серпом. Его доводы никого не убедили, а доказать свою правоту экспериментально Мишка не мог по двум совершенно убойным причинам. Во-первых, негде было взять косу-литовку, во-вторых, сам он ее в руках ни разу в прошлой жизни не держал, хотя неоднократно видел, как это делают другие. Даже не по телевизору, а в натуре, что, впрочем, делу никак не поспособствовало. Так что с мыслями о налаживании производства и продажи прогрессивного сельхозинструмента пришлось распрощаться.

Второй провал ознаменовался звонким подзатыльником вкупе с краткой, но энергичной рекомендацией заткнуться и не лезть не в свое дело. Огрел это все Мишка в качестве гонорара за проект продажи излишков оружия и покупки на эти деньги холопов. Самое обидное заключалось в том, что ни о какой конструктивной критике предложения не было и речи, дед его даже не дослушал. Ввиду столь радикальной реакции аудитории, казалось бы на вполне разумный и реальный бизнес-план, о возможности заняться ростовщичеством Мишка не решился даже заикаться.

Суровая проза жизни вынудила сделать поправку на специфику восприятия аудитории и заткнуться надолго, поэтому в отпущенный самому себе месячный срок уложиться не удалось. Более того, склонность президента фирмы «Дед Корней и родственники» к методам физического давления на оппонента, его консерватизм, доходящий до прямо-таки вопиющего ретроградства, и отсутствие у «младшего партнера» возможности подкрепить свои теоретические послышки натурным экспериментом, вынуждали Мишку впредь изыскивать не только актуальную в имеющихся обстоятельствах идею, но и способы «продать» ее таким образом, чтобы предложение не было отвергнуто, что называется, с порога.

Решение пришло в середине лета, и толчком для его появления опять послужил зрительный образ. Сельская жизнь на развлечения не богата, поэтому когда однажды вечером обычные шумы, сопровождающие жизнь села, перекрыл отчаянный женский визг, а потом

к нему одновременно добавились громкий детский крик, собачий скулеж и смачные фольклорные обороты в мужском исполнении – это хоровое выступление не могло не вызвать любопытства соседей. Ко всему прочему, через некоторое время к голосам добавился еще и запах дыма. К пожарам жители Ратного, по понятным причинам, относились очень серьезно, а потому уже через несколько минут и во дворе, над которым поднимался довольно жидкий дымок, и возле него, было не протолкнуться.

Тревога, впрочем, очень быстро сменилась весельем, и собравшаяся толпа, обретя внеплановое развлечение вместо необходимости производить пожаротушение с сопутствующими ему мероприятиями, расходиться не торопилась. Мишка, вместе с другими ребятами шмыгавший в толпе, вскоре уловил юмор ситуации. Оказывается, в поленнице дров, сложенной в несколько рядов под навесом, поселились осы. Хозяйка, вытаскивая полешки, постепенно добралась до того места, где жили воинственные насекомые, и потревожила их. Осы, скопом поднявшиеся по тревоге, «дали прикурить» всем находящимся поблизости так, что крики были слышны почти во всем селе. Хозяин дома, у которого уже заплывал волдырем правый глаз, а правое же ухо цело, как райское яблочко, по-быстрому соорудил факел из бересты и ответно «дал прикурить» осам, сгорая чуть не устроив пожар.

– Вот ведь пакость какая, – услышал Мишка чей-то голос в толпе. – Нет чтоб пчелы поселились, брали бы мед прямо у себя во дворе...

Мишка представил, как хозяин в сетке и с дымокурором лезет в дрова за медом и...

«Опаньки! Дед же был бортником! Ну не может он в лес ходить и по деревьям лазать. Так можно же дерево с пчелиным дуплом срубить, и притащить куда-нибудь, где с ним удобно работать. Да не одно дерево, а несколько – сколько выйдет. Получится пасака. Мед и воск ЗДЕСЬ товары весьма ходовые, даже являются предметом экспорта, если не ошибаюсь. В Новгороде – точно идут на экспорт, а здесь? Неважно, главное, дед займется привычным и прибыльным делом, а пчеловод – не пастух, совсем другой статус. И доход совсем другой.»

Теперь весь вопрос в том, как идею «продать». Просто так дед может опять не дослушать, а по второму разу к нему и вообще не подступиться. Спокойствие, сэр, только спокойствие! Вы кто? Управленец или прачка? Управлять можно двумя способами: принуждением и манипуляцией. В вашем распоряжении имеется только второй. Что такое манипуляция? Попросту говоря, создание условий, когда управляемому кажется, будто он действует по собственной воле или в собственных интересах. Вот и попробуем подвести деда к нужным выводам так, чтобы он этого не заметил. Вперед, сэр Майкл, вас ждут великие дела!»

– Деда, а зачем перед бортью колоду на ремне вешают? – начал Мишка разговор изда-лека.

– Чтоб висела, – ответ отличался железной логикой и лапидарностью, но Мишка уже знал, что если все делать аккуратно, деда можно-таки разговорить.

– А зачем висела?

– Для спросу.

– А Демка говорил – медведей пугать.

– Самого бы его там подвесить, вот бы медведи напугались.

– Ну правда, деда, зачем колоду вешают? Она же тяжеленная, охота возиться. Не впус-тую же силы тратят?

Дед поскреб в бороде и с сомнением поглядел на внука, явно размышляя: прогнать или пообщаться?

– Кхе, вот ты, Михайла, что делаешь, когда тебе что-то мешает? – дед, похоже, оста-новился на втором варианте.

– Убираю.

– Вот и медведь лезет на дерево к дуплу, а колода мешает. Он ее – лапой в сторону, а она качнется на ремне и обратно. Он ее опять – лапой, а она еще сильнее качнется – да по башке ему. Он осерчает да еще сильнее, а она тоже – еще сильнее. А тут еще пчелы на шум вылетят и давай жалить.

– И что?

– А то! Медведь взбеленится да как хватит ее изо всех сил, а колода отлетит в сторону – да обратно. Бывает, так влепит косолапому, что тот и с дерева сверзится. Почешет ушибленное место, плюнет и скажет: «Ну его, этот мед! Пойду я лучше Михайлу, Корнеева внука, съем!»

– А меня-то за что?

– А ты – как та колода: тебя отпихнешь, а ты снова лезешь.

Дед явно намеревался заканчивать разговор, надо было предпринимать срочные меры.

– Деда, ты же много знаешь, а я мало. Хочешь, чтоб я дурнем вырос?

– А на что тебе про борти знать?

– Ты же был бортником, и я стану, когда вырасту.

– Сначала вырасти...

– Деда, а дерево с дуплом – трухлявое?

– Бывает и трухлявое.

– А может упасть?

– Может и упасть.

– А куда пчелы деваются, если дерево упадет?

– Никуда. Если дождь дупло не заливает – так и живут. Но недолго.

– Почему недолго?

– Потому, что дупло низко, и всякий охотник до меда достать может, на дерево-то лезть не надо.

– А если дерево обратно поставить?

Дед наконец утратил безразличный вид: то ли начал сердиться, то ли, наоборот, заинтересовался беседой.

– Да что ты дурь всякую спрашиваешь? Кому надо дерево обратно ставить?

– Бортнику. Если пчелы передохнут или улетят – ему же убыток.

– И где ж ты такого богатыря видел, который упавшее дерево поднять да на место воткнуть может?

– А зачем все дерево? Можно только кусок с дуплом. И лезть высоко не понадобится. А еще можно этот кусок поближе к дому отнести, чтоб далеко за медом не ходить.

– Ага! И пчел научить, чтобы мед не к себе носили, а тебе прямо в рот.

– Хорошо бы, да не выйдет.

– А ты попробуй. Вдруг выйдет?

– Я бы другое попробовал...

– Что ж другое-то?

– Смотри, деда.

Мишка взял заранее подготовленную веточку.

– Вот дерево с бортью.

Кончик ножа покрутился в середине ветки, создавая имитацию дупла.

– Вот оно упало и лежит. Прихожу я ночью, когда все пчелы дома. Закрываю дупло.

Мишка облизнул березовый листик и заклеил им дырочку.

– Потом отрубая верх и низ.

Два движения ножа, верх и низ ветки упали на землю.

– Беру тот кусок, где дупло с пчелами и уношу туда, куда мне надо. Там рою яму и вставляю дерево, чтоб не падало.

Мишка воткнул обрезок ветки в землю.

– Перед утром открываю дупло и пчелы летят собирать мед. Дупло над землей невысоко, чтоб мне удобно было, а чтоб никто не лазал, вокруг забор ставлю. Потом еще одно дерево приношу, потом еще. Только где столько упавших деревьев с бортями взять, я еще не придумал.

– А-я-яй! Как же ты так? – дед сочувственно покачал головой. – Все придумал: и про яму, и про забор, только вот самого главного – где упавшие деревья... – Бывший сотник вдруг резко замолк и уставился невидящим взглядом куда-то в пространство. После недолгого размышления Корней Агеич просветлел ликом и совершенно не сердитым голосом шуганул от себя внука: – А ну-ка, иди отсюда, совсем своей трепотней извел... Иди-иди – делом займись!

«Тихо! Чапай думать будет! Поздравляю, сэр Майкл, клиент заглотнул блесну до самого кишечника. Читайте, что вам аплодирует все прогрессивное человечество во главе с Вселенским Патриархом... Как зовут – не припомню, но он не обидится».

Мишка уселся на свою лошадку и поехал вокруг стада, периодически оглядываясь на деда. Тот сидел возле потухшего костерка, крутил в руке Мишкину палочку и, кажется, что-то бормотал себе под нос. Через некоторое время Мишка услышал дедов крик:

– Андрюха! Андрюха, подъезжай-ка сюда, разговор есть!

Разговор продолжался недолго, дед что-то объяснял, бурно жестикулируя, а Немой сидел рядом на корточках и изредка кивал. Потом дед взобрался на лошадь и порысил в сторону села. Похоже, совещание окончилось, и дед отправился раздавать ценные указания и готовить операцию под кодовым названием «Борть». Автор проекта, совершенно не по-детски, удовлетворенно хмыкнул и отправился выгонять из кустов надумавшую прогуляться в лес буренку.

* * *

На пастбище дед не вернулся – прислал вместо себя близнецов дядьки Лавра – Кузьку и Демку. Ночью ни дед, ни Немой дома не ночевали и, как рассказали на следующий день близнецы, их отец – тоже. Немой появился в селе только на рассвете, когда надо было выгонять стадо на пастбище, а прибыв на место, сразу же завалился под кустом спать. Операция «Борть» началась!

Дед не появлялся дома двое суток – наблюдал за тем, как пчелы ведут себя на новом месте. Машка носила ему еду куда-то на другой берег реки, а потом красочно живописала изнывающему от любопытства семейству, как тот не отрываясь пялится на врытую в землю здоровенную колоду и что-то бормочет себе под нос. В головы женской половины семьи начало закрадываться подозрение, что старый не то повредился в уме, не то, впав в язычество, воздвиг деревянного идола, не то одно и другое сразу.

Потом все трое – дед, Немой и Лавр – вообще перестали ночевать дома, шастали по дедовым угожьям, которые он так никому и не передал, валили деревья с бортями и возили колоды на основанную дедом пасеку. Операция «Борть» приняла полномасштабный размах. Дед перестал быть пастухом, что и требовалось, в соответствии с разработанным Мишкой планом. Дамскому контингенту в весьма нелицеприятных выражениях была разъяснена вся ошибочность и беспочвенность их подозрений, а также указано на гениальность главы семьи, для бабьего ума, само собой разумеется, непостижимую.

То, что на будущее лето ни Мишке, ни Немому пастушить уже не придется, ни малейших сомнений не вызывало, и это с исходными положениями плана совпадало также. Вторая задача – подъем материального благополучия семьи и повышение социального статуса – начала выполняться!

* * *

С третьей задачей – созданием своей команды – все пошло совсем не так, как Мишка предполагал. Общение со сверстниками не получалось, поскольку целыми днями Мишка пропадал на пастбище. Так, собственно, и планировалось, а потому никакого беспокойства не вызывало, основные усилия в этом направлении Мишка предполагал приложить по окончании пастбищного сезона. Но вот дед переехал на пасеку, а на его место заступили близнецы, и Мишка в очередной раз убедился в справедливости одного из постулатов теории управления: разрешение очередной проблемы, пусть даже и вполне успешное, порождает целое семейство новых проблем, которые тоже надо разрешать, причем не как-нибудь, а в направлении выработанной «генеральной линии».

В первый же день, увидев Мишкины упражнения с кинжалом, они прицепились с расспросами, но получив ответ в стиле деда Корнея – рекомендацию обращаться к Немому, вроде бы отстали, однако через несколько дней заявили на пастбище с ножами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.